

Лесная ведунья

Книга третья

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

16+

Лесная ведунья

Елена Звездная

Лесная ведунья. Книга третья

«Автор»

2021

Звездная Е.

Лесная ведунья. Книга третья / Е. Звездная — «Автор»,
2021 — (Лесная ведунья)

Сказочно живется в заповедном лесу! И с лешим поработать можно, и с русалками искупаться, и с Дубом знаний поболтать. А там и развлечения подоспеет — очередные охотники за невестой новую ловушку изобретут, да сами в нее и попадут. Да только словно тучи темные наплзают, когда Веся приводит в избушку измученного раба-охраняба. И вроде зла в нем нет, и несправедливость черная вокруг него, а по пятам за ним опасность и смерть идет. Выстоит ли Ведунья лесная против архимагов, ведьм и... чародеев?

© Звездная Е., 2021

© Автор, 2021

Елена Звездная

Лесная ведунья. Книга третья

– Весь, ты чего злая такая? – спросил Водя.

Ему хорошо, он температуру крови своей под температуру воды подстраивать может, от того не мерзнет водяной даже в самой холодной воде в студеную зиму, и на дне не мерзнет, и вообще никогда. А вот у меня зуб на зуб не попадает, но признаваться в том нет никакого желания. И я молча продолжила волосы вспенивать, обильно шампунь русалочий на них вылив.

Скрылась под водой, шампунь выполаскивая, вынырнула. Руки дрожат, зубы стучат, а внутри злость такая, что ни передать, ни высказать.

– Тебе может воду подогреть? – спросил водяной.

– Рыб пожалей, – ответила, стараясь зубами стучать не слишком громко.

– Да отослал уж, и рыб, и раков, и русалов из самых наглых. Крак, чего спим, никуда не глядим?

Кракен встрепенулся тут же, на жертву в камышах залегшую кинулся, и красиво, ласточкой, на фоне луны полной, пролетел какой-то русал. Водяной сам то охальником был, подглядывать возможности никогда не упускал, но вот другим не позволял. А я не позволяла и Воде ничего, так что мылась в исподней рубашке, хоть и не самое это дело приятное.

– Ладно, грей воду, – сдалась я.

Но как только теплее стало, самой мне поплохело. Доплыла до валуна ближайшего, на нем устроилась, так чтобы по плечи в воде оставаться, колени руками обняла, сижу, на луну гляжу. Думаю.

Подумать было о чем.

Никакой информации в книгах я не нашла, только даром время потеряла. Что дальше делать примерно знала – поначалу как ведунья леса Гиблого полновластная, взращу-сплету ограждение, свою отчищенную территорию оберегая, а опосля в сон проваляюсь, и вот тогда-то и начнется самый сложный бой. Справлюсь ли? Должна, так или иначе, но должна. И думать об этом сейчас тоже должна, ни на что иное не отвлекаясь, а я... отвлекалась я. В холодной воде еще как-то было холодно, словно все мысли и чувства скованы, а в теплой я о теплых сильных руках вспомнила, о глазах, в которые смотришь и паришь, о губах, теплых, сухих, ласковых... Да о чувстве странном, словно в груди цветы распускаются... Ведь ощутила я это, всем сердцем ощутила, а разумом ведаю – быть такого не может.

Один раз в год сады цветут, один раз в жизни весна у ведьмы бывает. Одна весна, всего одна, другой быть не может. Не может ведь быть, никак не может, а только... что-то не так с сердцем моим. Бьется оно чаще, стоит подумать об Агнехране, и хорошо мне с человеком этим так, как никогда и ни с кем не бывало. Я себя с ним как дома чувствую, словно родной он мне, будто совсем близкий. От чего так? По теплу человеческого истосковалась? Или быть может опору ищу, в этой беспокойной буре чудовищных открытий и перемен? Что со мной?

– Весь, о чем думаешь? – Водя ближе подплыл, руками о камень оперся, придвинулся близехонько, в глаза взгляделся с тревогою.

– О камне, – ответила, усмехнувшись невесело. – Знаешь, на уроках у Славастены, учили нас думать как камень.

– Это как? – Водяной еще ближе придвинулся, грудью широкой к коленям моим прижался.

Поглядела на него выразительно, но с места не сдвинулся, все так же близко оставался.

– Это как камень, Водя, холодный, бесчувственный, безучастный камень. У камня нет эмоций и нет сожалений, камень полностью подвластен судьбе и коли падет на чью-то голову,

никто же камень не обвинит – он орудие в руках судьбы, и не важно, скатился ли с горы камнепадом, или брошен по злому умыслу, он просто камень. Только камень. Всего лишь камень. Нужно как-нибудь научиться думать, как камень.

Водяной опустил взгляд, на валун посмотрел мрачно, опосля на меня, мне и сказал:

– Но ты не камень, Веся.

– А жаль, – тихо ответила ему.

Он улыбнулся грустно в ответ, руку протянул, лица моего коснулся, прядь волос мокрых со щеки отвел, в глаза мои вновь взглянул и произнес:

– Справимся мы, Веся, со всем справимся. Да так, чтобы и жалеть ни об чем не пришлось.

Так чтобы не осталось ни горестей, ни сожалений, ни печали. Нам ведь не впервой, Весенька.

Нам не в первой, это он точно подметил.

– На берег тебя отнести? – спросил Водя.

Я кивнула, что мне еще оставалось.

Водяной на руки подхватил, заводь переплыл быстро, меня берег, знал что мне холодно в рубашке мокрой, а вот едва к земле подплыл, протянулась из темноты рука черная, за запястье меня ухватила, рывком у Води отняла. Я и вскрикнуть не успела, а уж окутало плечи мои полотенце теплое, а следом засиял и круг алхимический.

В баньке было жарко неестественно. А может мне так с холодной воды почудилось, но жарко было. А еще в баньке аспид был. Стоял он у двери тенью мрачною, руки на груди сложены, в глазах змеиных ярость нечеловеческая, а от самого него словно мрак расползается. И глядит исподлобья, да так, что мурашки по коже. Или замерзла просто вконец.

– Ну что ж, – молвила, оглядываясь в поисках снега лютого, но от него здесь и следа не осталось, – то что к избе принес, за то спасибо, удружил. За то, что баньку затопил, тоже благодарствую. Только вот, господин Аедан, уж коли меня без спросу от Заводи перенесли, то будьте любезны, вернуться туда же, за платьем моим и туфельками.

И недобрый взгляд аспиды, окончательно недобрый стал.

– Что-нибудь еще, госпожа моя? – спросил издевательски.

Смутить думал? Напрасно.

– Да, – ответила с вызовом, – одна деталь малехонькая – я-то госпожа, но не твоя!

Медленно глаза змеиные сузились, да ярость в них полыхала такая, что невольно подумалось мне, что и банька сейчас заполыхает.

– Вот не смей! – разъяренно потребовала. – Мне эту баньку человек хороший построил, и это, быть может, вообще единственное, что мне от него останется. Так что не смей!

И аспид вдруг успокоился. Уж не знаю от чего – от требования моего, али от того, что леший позади него стоял, но успокоился. И взгляд изменился, и поза, и... и молвил вдруг Аедан:

– Единственное, что от него останется? От чего так?

Что тут скажешь? Я в полотенице закуталась посильнее, вновь холод ощутив, вздохнула, да и ответила:

– А тебе об том знать не надобно. Платье мое принеси, будь любезен. И туфли не забудь.

Аспид что-то сказать мне хотел, но тут лешего приметил, да и осекся. Глянул на меня мрачно, и исчез в круге алхимическом. Лешенька опосля него вошел, на меня посмотрел, да и спросил:

– Небось, водяной около тебя сызнова околачивался?

– Да нет, просто разговаривали, – ответила, плечами пожав.

– Значит, околачивался, – вынес вердикт леший.

И не давая времени оправдаться, добавил:

– Там тебя маг твой дожидается.

И я сама не поняла, как кинулась из баньки в избу. Оббежала ее, замерла перед ступеньками, вспомнив, что у меня же тут пир пировать собрался народ честной, в смысле нечисть совестливая, быстро свой облик иллюзией сменила, да и сбежала в избенку, пока вампиры, оборотни и моровики на ведьму пафосную взирали, ожидая речи проникновенной.

Не дождалась.

Едва я в избе оказалась, как растворилась ведьма иллюзорная все с тем же глубокомысленным видом.

– Ээээ, – раздался голос вождя Далака, – и выпьем за это!

Все выпили.

Я же дверь захлопнула, на засов закрыла, от всяких аспидов, к блюдцу серебряному кинулась, яблочко наливное по кругу пустила и с трудом вздох разочарованный подавила, когда засияло блюдо и показало мне мага. Да не того.

– Эм, добрый вечер, госпожа лесная ведунья, – вежливо произнес маг Данир.

И посмотрел на меня странно как-то. Тут я и вспомнила, что волосы у меня мокрые, нечесанные, сама в полотенце кутаюсь, а под рубахой мокрой давно дрожу вся.

– Я сейчас сообщу лорду Агнехрану, что вы появились! – торопливо воскликнул маг.

И исчез, только звук шагов быстрый раздался.

Ну я в мокром то сидеть и дожидаться не стала, споро блюдец к окну отвернула, сама к шкафу да и переодеваться быстрее, пока совсем не продрогла. И только рубашку сменила на сухую, раздалось из блюда:

– Веся, луна, конечно, красивая, но ты лучше.

Улыбнулась невольно, платье надела, и пуговицы застегивая к столу поспешила. Только села, да блюдец к себе развернула, смотрю – а охранябушка мой тоже только купался, видать. Волосы влажные, рубашку на ходу застегивает, прямо как я. Только странно застегивал – левый рукав был натянут и манжет наглухо застегнут, а воротник поправлял еще, и правый рукав не расправил даже.

– Вечер добрый, Весенька, – улыбнулся мне маг.

И зацвела я, как роза майская. И ведь знаю я, что не быть нам вместе, скорее как два берега реки, только смотреть друг на друга и можем, а все равно вот увидела его и сердцу так радостно.

– И тебе, – ответила вежливо. – Мылся ты смотрю, от чего позже не позвал?

– Ааа, это... – Агнехран волосы поправил по-мужски, всей пятерней, и словно только сейчас вспомнил, что мокрые. – Не запланировано вышло, прости.

Было бы еще что прощать.

– Спасибо, что время для меня нашел, – поблагодарила я.

Улыбнулся маг, да голову склонил. Только выглядело это не то чтобы учтиво, почему-то показалось, что он улыбку свою скрыть пытается. От чего же?

– Случилось что? – встревожилась я.

– Нет, что ты, – и охранябушка в глаза мне посмотрел, – все хорошо. Ты как?

Вопрос врасплох застал.

Ну да я пока гребень взяла, пока волосы расчесывать начала, и с ответом нашлась.

– Хорошо я.

– И где же это твое хорошо?! – вдруг как-то гневно спросил Агнехран. – Под глазами тени черные, не спала видать опять вовсе. А в глазах страх вижу. Чего боишься?

Так я и сказала.

Споро гребнем волосы расчесала, на спину откинула, пусть сохнут, приманила к себе лист бумажный, да перо гусиное с чернильницей. В чернила обмакнула, и вежливо обратилась к магу со словами:

– А не составит ли труда, для уважаемого мага, поведать мне заклинание упокоения нежити?

А Агнехрана что-то где-то свалилось, а само он замер, пристально на меня глядя. Я на него гляжу невозмутимо невинным взглядом. И тут оказалось, что свалилось там у него не «что-то», а «кто-то», и не просто кто-то, а Данир. Маг молодой с трудом поднялся и неуверенно начал:

– Лорд Агнехран, а куда пла...

Не договорил.

Смело его волной магической, опосля и дверь в кабинет архимага с грохотом захлопнулась, а сам Агнехран ко мне подался и спросил недобро:

– А для чего это тебе, Весенька?

Подалась я к нему, в глаза синие вглядываясь и прошептала:

– А за надом.

И он ближе подался, да тоже прошептал:

– А за каким надом?

– За большим, – выдохнула в ответ.

Архимаг судорожно вздохнул, сел ровно, на меня глядит мрачно, губы сжаты, глаза темнеют. Красиивый. Опять без сурьмы вокруг глаз, без крема магического, волосы влажные не зачесаны, в низкий хвост не собраны, как у магов полагается, и от того такой красивый он, и родной, и... о чем, ты, Веся, думаешь, голова твоя бедовая!

И села я тоже ровно, на лист бумаги перед собой гляжу, а оттудова на меня клякса внушительная глядит весело... и когда только успела я кляксу поставить?!

– Весенька, – тихо маг позвал, – как объяснить тебе, что магия не самая безопасная вещь на свете этом?

Усмехнулась я невесело, да и напонила:

– Маг, ты с ведьмой говоришь.

Опосля слов этих только взгляд на него подняла. Сидел охранябушка – плечи и спина ровные, выправка-то у него военная, а вот по взгляду видно, что словно ссутулился. И на меня смотрит, а в глазах боль да тревога.

– Что ты задумала? – прямо спросил.

Вздохнула, да и лукавить не стала:

– Ответ кроется в вопросе, Агнехран.

Улыбнулся, головой отрицательно покачал, да и сказал:

– Не думал никогда, что мое имя может звучать так...

Отвернулся, в окно у себя поглядел несколько секунд томительных, опосля снова в глаза мне взглянул, и произнес:

– Ты ведьма, Веся, ты пробудить нежить можешь, именно пробудить – но не упокоить. Нет у тебя силы такой, нет могильного холода, нет стальной решимости да ледяной беспощадности. Нет их у тебя, не на чем заклинание строить.

Помолчала и я, задумавшись, на бумагу перед собой поглядела, на кляксу вторую уже по счету, да вновь на мага взглянув, ответила:

– Вообще-то есть.

– Могильный холод? – догадался Агнехран.

Кивнула.

– Это ты так решила, потому что поутру чуть нежитью не стала? – поинтересовался иронично.

– Не только поутру, – возразила я. – И весь день я в себе этот холод ощущаю, а близ Гиблого яра и вовсе растет это ощущение. От того, смогу я...

– Нет, – пресек слова мои архимаг.

Вздохнул тяжело, головой покачал отрицательно, с меня взгляда не сводя, и пояснил:

– Четыре составляющих нужны, Веся. Четыре. Как четыре столба, что крышу держат, как четыре стены у гроба, как четыре стихии. А у тебя всего одна составляющая, одна из четырех.

И пока молчала я растерянно, продолжил:

– Ты силу над нежитью утратишь уже к утру, слишком много жизни в тебе, слишком много света – твоя магия скверну уже сейчас на корню давит, к рассвету от могильного холода в душе твоей ничего не останется. Но нежить могу упокоить я.

И сказал он это так уверенно, что я бы даже поверила, если бы не знала, чего стоит магам упокоение нежити. Но я знала.

– Контуры магические чертить устанешь, даже если до сотой доли нежити Гиблого яра доберешься, – заметила, с улыбкою.

И Агнехран помрачнел.

– Тиромиру язык бы следовало вырвать, – произнес в сердцах.

Я улыбнулась шире. Он на меня засмотрелся. Я на него. И вот смотрю, просто ведь смотрю, а чувство такое, словно взлетаю птицею, над облаками, да к самым звездам...

Тут открылась со скрипом дверь в избу, домовый вошел, дверь плечом придерживая, да и сообщил:

– Ужин твой, хозяйюшка. Весь день же маковой росинки во рту не держала, поесть надобно. А не то, аспид мне...

На этом домовый до стола дошел, да в блюде Агнехрана-мага увидел.

Тут же голову склонил приветственно, вежливо склонил голову в ответ архимага. Да говорить не стали. Споро домовый мой избу покинул, а охранябушка вид сделал, словно вообще ничего не произошло. А затем снова на меня посмотрел, вздохнул, да и сказал:

– Поешь, пожалуйста. А я пока посмотрю, что сделать можно, с силою твоею. Только уговор, Веся, я нужное заклинание ищу, а ты ешь. И в одеяло завернись, дрожишь вся. И все с подноса чтобы съела.

Я поглядела на поднос. Не поскупился домовый – и ветчина копченая, и сыр заморский, и окорока свиного часть внушительная, и грибов всяческих, по счастью не поганок, жаренных понапринес, и...

– Охранябушка, я же столько не съем! – призналась честно.

Маг с сомнением посмотрел на поднос, на меня, и сдался:

– Половину.

Я посмотрела на поднос, на него...

– Половину без вон того маленького кусочка, – не сдавался Агнехран.

Тут дверь открылась, домовый вернулся с краюхой хлеба, да крынкой сметаны. Все передо мной поставил, поклонился магу, да и вышел тихохонько.

– А ты ужинал? – спросила у архимага, скрывшегося за стеллажом с книгами.

– Потом поем, – кратко ответил он.

Мне от ответа его, почему-то и кусок в горло не лез.

– Не буду сама есть, – слова сами вырвались.

– От чего же это? Всегда сама ела, тебе ж со мной неуютно было по первости, а теперь что?

– А теперь неуютно без тебя, – тихо призналась я.

А он услышал.

Вернулся с книгами, целую стопку насобирал, сел, на меня посмотрел, улыбнулся, руку протянул, к блюду серебряному прикасаясь, от чего словно рябь по серебру пошла, и сказал:

– Я буду вот те жаренные поганки, домовый у тебя их лучше всех готовит.

– Это не поганки! – возмутилась я. – Грибы лесные, и...

– Поганки, – заверил меня Агнехран. – Давай хлеб сюда, порежу.

Я подскочила, засуетилась, тарелки нашла, вилки, нож почти нашла.

– В другом шкафу. Левее, ниже, чуть дальше, – попутно направлял охранябушка. – Давай так хлеб, у меня нож есть и не один. И ближе.

– Нашла! – раздался мой торжествующий возглас. – Держи пока пространственное окно. Я сейчас. Я быстро.

– Держу, – и так он это сказал, что улыбка и в голосе слышалась.

Я даже замерла на миг. Обернулась, улыбнулась, и поспешила быстрее, потому как не так это уж и просто, окно пространственное держать. На это вообще только одни архимаги и способны. От того, что спешила, с хлебом и не успела, передала его Агнехрану, вместе с ножом ржавым. Не ведаю, куда мой делся, так что то что нашла, то и дала. Маг сделал вид, что нож отличный, да хлеб порезал другим, аккуратно от ржавого избавившись. Я тем временем на тарелку ему все красиво уложила, со всеми грибами вообще, раз он их так любит, через блюдце передала. Агнехран мне пол хлеба вернул, невозмутимо вилку взял, и тарелку с ужином, после чего поднялся, сходил за вином с бокалами. Остановился перед столом, на меня посмотрел, на бутылку вина. Развернулся, ушел, вернулся с другой.

– Это без хмеля почти, – пояснил он, бутылку открывая, да разливая рубиновый напиток по бокалам. – Немного тебе налью, много не стоит.

Бокал я принимала осторожно, был он из горного хрусталя, а хрусталь он пространственные перемещения обычно искажает, но Агнехран контролировал все своей силой, от того бокал лишь ярче засверкал, перемещаясь ко мне, а вот после мы сели, маг бокал поднял, и сказал:

– За тебя, моя ведьмочка неугомонная.

И, кажется, стала я краснее, чем вино в бокале. И отпила глоточек всего, прав был Агнехран, сегодня пить не стоило, но для вкуса самое то было, опосля вина красного и мясо вкуснее казалось, и хлеб, и даже свет горящей свечи будто ярче стал. Но когда маг, занятый и ужином и книгами, взгляд на меня поднимал, мне казалось что меркнет огонь свечи, и все вокруг меркнет.

– Ты магический язык хорошо знаешь? – спросил Агнехран, найдя что-то явно заинтересовавшее его в большой черной книге.

От книги веяло злом. Застарелым, выдержанным, как превосходное вино, тяжелым злом. Я бы не прикоснулась к такой книге, слишком опасно было, а охранябушка держал ее рукой твердой, и вовсе не страшился.

– Знаю, – кивнула я, еще глоток вина делая.

– Хорошо, – кратко ответил он.

Зло черной книги протянуло щупальца к левой руке мага, той, что он книгу держал, черными лианами потянулось вверх, добралось до запястья и вдруг отпрянуло, словно с артефактом невероятно сильным столкнулось. Я невольно коснулась своего запястья на левой руке, поправила браслет обручальный, и уж хотела было сказать Агнехрану про книгу, как он взгляд мой заметил, улыбнулся успокаивающе, и сказал:

– Не тревожься за меня, мне эта книга ничего не сделает. Как и ее хозяйка.

– А кто ее хозяйка? – уцепилась я за ниточку.

– Велимира, – кратко ответил маг.

Взгляд на меня поднял, и спросил с усмешкою:

– Спасать ее не кинешься?

Улыбнулась я грустно, да отвечать не стала. То что я с магом сговариваюсь, зная что ведьма у него, и не простая, а одна из главных, это предательство. Всей моей сущности предательство. «Ведьмы всегда должны держаться вместе» – главное правило всех ведьм. Наша суть в единстве, как и у нечисти. И кто б сказал мне, что с магом встану рядом против ведьмы – никогда бы не поверила. Да и с кем сговоришься-то? С самим Хранящим Огонь. С архимагом

Агнехраном. Агнехран – сильнейший маг всего континента, тот перед кем голову склоняют даже короли. Агнехран, огнем и мечом прошедший по жизням, странам, ведьмам.

– Весенька, от чего побледнела ты? – спросил он встревожено.

И вот смотрю на него, вглядываюсь отчаянно, и не вижу. Ни злобы, ни жестокости, ни крови невинной я на нем не вижу. Как же так? На книгу смотрю и вижу, а на нем нет.

– Дай угадаю, – произнес архимаг с улыбкой, – о том, кто я есть вспомнила. И кто же я есть, Веся?

– Враг всех ведьм, – ответила, еще глоток вина сделав.

– Мм, – протянул он, – как звучит интересно.

Глянул на меня, снова над книгой склонился, и поинтересовался невзначай:

– А враг всех ведьм, это что конкретно означает?

– Что каждая ведьма о твоём появлении в поле зрения, должна мгновенно сообщать об этом своей наставнице, или же, если это вошедшая в совет ведьма, то членам координационной группы совета.

Агнехран голову поднял, на меня посмотрел с сомнением.

– Я, признаться, думал у вас несколько... более свободная организация, – произнес он.

– Смотря в каких вопросах, – ответила мрачно.

Забавно, но вот только сейчас подумала – врагов ведьминского сообщества ведьмы всегда держали под контролем, а свой собственный совет – нет. Вот как так? Как вышло что мы, злобу, ненависть, подлость если не видим, то точно чувствуем, а Велимиру не заметили?!

– Значит, сообщать о моем появлении и все? – уточнил Агнехран.

– И все, – подтвердила я. – Ты слишком опасен, чтобы выступать против тебя в одиночку, или даже группой.

Маг усмехнулся и спросил:

– И много у ведьм таких... врагов?

Сделав еще крохотный глоток вина, я вспомнила лист с наложенным на него заклинанием неприкосновенности, и четыре имени, стоящих над всеми остальными. Остальных я, если честно, не помнила. А вот четыре имени главных врагов наизусть знали все ученицы Слава-стены.

– Первым твое имя стоит, – сказала, глядя на бокал, но внутренне видя тот самый неизменно белоснежный лист бумаги. – Вторым архимаг Городнен.

– Мертв, – вдруг изменившимся голосом произнес Агнехран.

Я на него посмотрела, да и спросила:

– Кто убил?

– Никто... – совсем странно сказал охранябушка. – Я был уверен, что никто. Сердце не выдержало. Городнен стар был совсем, он умер в своем кабинете, сидя за столом.

Ну... умер так умер, жалко конечно, но со всеми бывает.

– Кто еще? – напряженно спросил маг.

Я на него посмотрела, а он на меня глядит так, что увливать не захотелось, правду сказала:

– Архимаг Дайтенс.

– Мертв, – тихо, почти беззвучно констатировал Агнехран. – Несчастный случай, упал с лошади, сломал шею, говорить не мог, от того... погиб. Нелепая, случайная смерть, похоже, была неслучайна. Дальше.

– Архимаг Шаон.

Тихий рык вырвался откуда-то из груди мага. Тихий, но такой жуткий.

– Мертв? – потрясенно спросила я.

– Да. Был пьян. Не рассчитал пространственное перемещение.

Агнехран вскочил, прошелся по своему кабинету, подошел к столу, залпом опустошил свой бокал, уперся руками в стол и теперь молчал, невидящим взглядом глядя в стол. И взгляд был точно не видящим, иначе заприметил бы маг, как потянулись черные щупальца от черной книги, да потянулись уверенно, словно зверь кровь почуявший, и ладони коснулись, и вверх потянулись, и... отпрянули, до запястья добравшись.

– Амулет у тебя защитный на руке? Али артефакт? – любопытствовала я.

– Ты мой артефакт. И амулет. И заговор от несчастья. И вся магия мира – это ты для меня, – хрипло ответил он.

Сел. Помолчал.

Сдавленно произнес:

– Прости.

– Да за что же? – молвила тихо. – Видно близки тебе были маги эти, от того и тяжела боль потери. Мне очень жаль, Агнехран.

– То дело прошлое, – сказал, усмехнулся, на меня посмотрел, и добавил: – Видишь, уже слова твои перенимаю, да и к потерям отношение.

Я улыбнулась грустно.

Агнехран же головой дернул, словно от мыслей тяжелых избавлялся, и продолжил:

– Не о том речь сейчас, с тобой нужно решить, что делать будем.

Кивнула я, глаз с него не сводя. Потому что увидела вдруг – и злость, и ярость бессильную, и гнев, и боль утраты. А значит, не скрывал от меня Агнехран-маг ничего, и мое ведьминское зрение тоже меня не подвело – не было в нем ни жестокости, ни чудовищности, по совести действовал, по справедливости, а вину за собой ощущал лишь за то, что не спас, не уберег, помочь не смог. Этим терзался. Только этим. И сколько не смотрю, сколько не вглядываюсь, а вот злобы в отношении ведьм не вижу. Не их винил в случившемся Агнехран – на самого себя всю вину взял.

– Ты... не думай так, – сказала, все так же в мага вглядываясь, – твоей вины в гибели их нет.

Поднял он взгляд на меня синий, темный, в глазах, словно буря нарастает, и ответил тихо да уверенно:

– Есть. Моя вина есть. Недооценил я ведьм, именно я недооценил, да мер вовремя не принял. И вот он итог, жизнь моя, все посвященные мертвы, а мне повезло – на моем пути ты появилась, от того и жив остался. Только вот ты за жизнь мою такой ценой заплатила, что я себе этого никогда не прощу.

– Пустое, – улыбнулась я. – Волков жаль до слез, это да, а я как лес – где просеку вырубili, там деревья вверх вскорости поднимутся краше прежнего, так что не тревожься обо мне, не стоит.

Ничего маг мне на это не ответил, но так посмотрел, что ясно стало – покуда жив он, не будет у меня больше ран, ни единой.

– Это ты сейчас так думаешь, – улыбнулась я, – а опосля... привыкнешь.

И как удар плети, воспоминание из прошлого «Валкирин, ты сможешь! Поторопись, Валкирин!»

– А ты что, мысли мои читаешь? – словно невзначай маг поинтересовался, вновь за книгу черную берясь. И поползли по руке его черные щупальца.

– Да нет, только эмоции вижу, коли яркие они, да недобрые, – я бокал взяла, еще махонький глоток сделала.

И вздрогнула, едва взгляд Агнехрана на себе почувствовала.

На него поглядела вопросительно, а маг мне тихо, но столь отчетливо, что у меня от этой отчетливости дрожь по телу прошла, произнес:

– Я не Тиромир.

А не стала я тему развивать, вино отложила, да за ужин молча принялась, сделав вид, что не вижу я взгляда напряженного, и вообще не замечаю, и вконец голодная. А когда тарелка моя опустела почти, спросила невзначай:

– Ну что, готово заклинание?

И протирая губы платком, глаза на Агнехрана подняла, да и вздрогнула невольно – он все это время на меня смотрел. Смотрел пристально. Так смотрел, словно взглядом прожигал, словно мысли мои увидеть хотел, все до единой. И это я ужинала, а он за время это ничего не съел, глаз с меня не сводя.

– Я не Тиромир! – повторил жестко и зло.

– Да не Тиромир конечно, – согласилась я покладисто, – и не похож даже, и волосы темные, и браслета на тебе нет моего обручального, так что точно не он.

Ожидала я, что хоть улыбнется на шутку мою, да только Агнехран вдруг взгляд отвел быстро. С чего бы это?

– Заклинание, – произнес он как-то сдавленно. – Ты его на языке обычном произносить будешь, я правильно понял?

Правильно то правильно, а от чего на шутку мою отголоском вины отреагировал? Неужто аспид ему браслет мой отдал? Коли отдал, то напрасно, Агнехран с ним ничего поделывать не сможет, потому как коли не я его на запястье жениха застегнула, не имеет он силы никакой. Совсем никакой.

«Лешенька, – послала я мысль другу верному, – найди аспида, будь добр, про браслет у него узнай мой, обручальный. Коли он его снял, да кому другому отдал, не будет у меня третьего варианта спасения, только на тебя с Водей уповать придется».

«Пошел искать, – мгновенно ответил леший».

Я же тарелку полупустую отложила, лист бумажный к себе придвинула, с тоской на клаксы посмотрела, перо гусиное вновь в чернила обмакнула, да и воззрилась в ожидании на Агнехрана. Тот вздохнул, посмотрел на книгу, оставляя левую руку на ней, к себе тарелку придвинул, да и начал, перемешивая поганки жаренные со сметаной, мне зачитывать:

– «In oceanum, sicut petra

Manere in aqua

In silentio et audire melodiam

Audi me lumen, et luna,

Ego tranquillitas, im ‘ non pugnatur».

Дочитал и на меня посмотрел, да и вопрос задал:

– Переведешь?

Посидела я, помолчала, подумала, да и начала осторожно писать, попутно читая вслух:

– Как камень в спокойной реке,

Я лежу в тихом омуте

Я слышу мелодию тишины

Я вдыхаю сияние луны,

Я спокоен, я больше не воин.

Дописала, посмотрела на мага. Агнехран удовлетворенно кивнул и высказался:

– Не совсем дословно, но учитывая реальность, вполне подходит. Однако заклинание предполагает океан.

– Я никогда не видела океан, а произнося заклинания лучше говорить о том, что ведаешь, – пожала плечами я. – Но, знаешь, вопрос у меня к тебе есть.

– Какой? – поинтересовался маг.

Подняла взгляд на него, да и спросила прямо:

– На кого заклинание это направлено?

Улыбнулся Агнехран, почти с восхищением улыбнулся, да и ответил:

– На тех, кто покоя ищет, Весенька.

Нахмурилась я, хотела уж было высказать, что таких мертвяков, что покоя ищут в Гиблом яру то немного, если вообще есть, мне бы тех, кто рвать да метать готов упокоить, они моя головная боль, они проблема моя, они...

– Все что у тебя есть сейчас – это могильный холод, Веся, – серьезно сказал Агнехран. – Только он. Как ни пытайся, как ни старайся, а всех упокоить ты не сумеешь, даже если себя отдашь без остатка. Да и времени у тебя, напомню, до рассвета только. Начни с малого, ведунья моя неугомонная, тогда хватит сил и на большее. Продолжим?

Я кивнула.

– Frigus, ventum, et

Corda vestra sunt, sicut lapis in mare

Ego addictos suffocatio in mea motus

Oceanum dixit omnia esse denique

Si vos ire ad somnum

Omnes inimicos et amicis dormientibus

Non scientes, lacrimis ego tenere

Nemo ergo solliciti esse, cum ego evanescent

Withering, withering, withering.

На этот раз было сложнее. Помолчав, я некоторое время обдумывала слова, для начала перевела дословно:

– Холод отдать ветру

Ваши сердца просто камень в океане

Безнадёжно задыхаюсь от эмоций

Океан сказал, что все будет хорошо

Если вы погрузитесь в сон

Все враги и друзья спят

Не зная слез, которые я держу

Никого не будет заботить, когда я начну исчезать

Увядание, увядание, увядание.

Агнехран кивнул, полностью согласный с переводом, вот только не была согласна я.

– Жестоко это, – высказалась в сердцах.

И не дожидаясь слов мага по данному поводу, начала менять на ходу:

– Снег на земле так прекрасен,

Тихо шепчет о чем-то ясень,

Ветер легко уносит всю боль,

Спи, он заберет с собой.

А за сном последует свет,

Как за ночью идет рассвет.

Успокойся, глаза закрой,

Я держу тебя за руку, я с тобой.

Все мое заклинание Агнехран прослушал очень внимательно, словно впитывал каждое слово, а едва я умолкла, требовательно спросил:

– Полагаешь, это подействует?

– У меня – да, – ответила ему.

Дописала последнее слово, подняла взгляд на мага, тот на меня глядит пристально.

– Не по нраву что? – спросила прямо.

– Да, – произнес Агнехран, – не по нраву. Слова «Я держу тебя за руку, я с тобой» мне не по нраву, Веся. Я не ведаю, как у вас, ведьм да ведуний это действует, но у нас, магов...

– Иначе, знаю, – прервала гневную речь его.

По строкам взглядом пробежалась, прикусив нервно кончик пера зубами, прочла еще раз, и снова, и...

– Я нечисть, Агнехран-маг, – взгляд на него подняла. – Я – нечисть. Я по краю иду между миром этим, и тем, что магией дышит. Понимаешь ты это?

Едва ли понимал, на меня смотрел с яростью холодной, да непримиримо смотрел. Улыбнулась, не сдержавшись, к блюдцу серебрянному подалась, в синие глаза мага заглянула, и прошептала:

– Не бойсь, не погибну.

А он взял да и сказал:

– Боюсь. Очень боюсь, Веся. До того боюсь, что вздохнуть тяжело. Измени слова последние, прошу тебя, не упрямься.

Посидела я, перо гусиное разглядывая, да и так сказала:

– Иначе я не умею, прости, пожалуйста.

Смотрел на меня Агнехран-маг, да и молчал.

– Не случится со мной ничего, – поспешила успокоить, – леший прикроет, водяной на подхвате, а на случай-то крайний у аспида браслет обручальный мой, он подсобить сможет.

Если найдется аспид-то... но я об этом говорить не стала.

И тут распахнулась дверь в избу мою, шумно леший вошел, да трещал-скрипел от гнева невыразимого, и взгляд таков был, что мигом я руку протянула, блюдце серебряное вниз перевернула, связь разрывая, да на лешиньку воззрилась испуганно.

– Случилось что? – спросила встревожено.

Ничего не сказал друг верный, лишь подошел, ступая тяжело, гневно, да протянул мне клюку яра Гиблого. И дрогнула рука моя, сердце сжалось, а лешему сказала я:

– Сам Расскажи, сделай дело доброе.

– Самому не рассказать, Веся, – произнес леший.

Помолчала я, то на клюку, то на друга верного глядя, а опосля смирилась со своей участью, руку протянула, да на клюке разместила... И пожалела о том в тот же миг!

Затянула, закружила в водовороте лет прошедших клюка-матушка, да и обрушила на меня видение страшное.

Как стоит на краю леса аспид, а в руке его клюка. Эта самая! Только не истлевшая, не прогнившая, цельная клюка еще, и клюку эту аспид бережно на траву быстро чернеющую опускает.

– Аспид! – произнес лешенька, на рев срываясь, – аспид, Веся!

Я только голос его и слышала, а сама на то, событие давнее во все глаза глядела – как чернеют кусты-деревья, как прахом черная трава осыпается, как смотрит с ненавистью на лес аспид, настоящий аспид, и глаза у него синие, такие синие, как небо летнее перед грозой, да только...

– Аспид, лешенька, аспид, – согласилась я. – А теперича ко мне ближе подойди.

Видеть его не видела, только слышала как на колено опустился, затрещала кора дубовая, и держа одной рукой клюку, вторую протянула, леший сам ладонь мою на щеке своей разместил, да сам со мной в видение и провалился. И смотрели оба мы на то, как чернеет земля, порчею страшную на лес распространяясь, как над рассыпающейся прахом травой туман темный клубится, как искажает-ломает деревья проклятие страшное, как покрывается земля трещинами...

– Аспид же! – прорычал лешенька.

– Аспид, – согласилась я, – да только к росту его приглядиись, лешенька, и возраст определить постарайся. И... говорит он что-то. А что?

Я клюку сжала крепче, пытаюсь уловить звук черно-угольных губ, пытаюсь расслышать его сквозь безмолвие зелени леса, превращавшейся в пепел, сквозь затихнувший ветер, сквозь

треск высыхающей земли. И расслышала. Едва-едва, но расслышала. Как с трудом, с превеликим трудом, произнес хрупкий, скорее подросток, нежели мужчина, еще тонкокостный аспид. А произнес он: «Покойся с миром, прабабушка».

И распахнула глаза я удивленно, на меня с не меньшим удивлением леший посмотрел, и оба мы на клюку.

– Это наш упырь! – прошипел лешенька. Да тут же исправился: – Аспид в смысле.

– Не уверена, – ответила медленно.

– От чего-ж не уверена? – не говорил леший – рычал разгневанно.

В глаза его взглянула, руку обратно на щеку вернула, да и передала свое воспоминание, то что мне Ярина поведала, в ночь когда Агнехрана-мага спасти пришлось. И увидел лешенька как стубили-уничтожили ведунью старую, что в знак Ходоков вступила по незнанию, да как сожгла себя она, лес спасти пытаясь, да как скверна от нее черными чернилами расплылась, лес отравляя.

Подумал леший, на стул возле меня сел, сгорбился. И высказал растеряно:

– Да, дела. А что дальше было, того Ярина не видела?

– Не видела, – подтвердила я. – Она с напастью справиться пыталась, от того и не помнит.

Но что точно могу сказать – было что-то дальше. А что точно, я не ведаю. Да только ведунья Гиблого яра погибла в центре леса своего, а клюка ее оказалась на самой опушке.

– Как оказалась, то уж мы с тобой знаем, – сказал леший.

Узнали, да, с этим не поспоришь.

– А аспид наш, это я точно тебе сказать могу. Сама посуди – глаза у него синие, но не в этом суть, а в ином – порядки он наши знает, по лесу Заповедному ходит-перемещается как у себя дома, а самое главное – он от тебя, ведунья лесная, ребеночка хочет, а значит точно ведает – такие как ты таких как он родить могут-то.

И с этим не поспоришь, так если подумать. Да только:

– Иные они, это я тебе как ведьма сказать могу. Эмоционально разные. Тот что на опушке леса клюку положил, в том боль была, да...

Да и замолчала я.

От того замолчала, что вспомнила разговор свой с аспидом.

«Главный алхимический закон – чтобы что-то получить, следует отдать равноценное. Что отдал ты?»

«Жену. То единственное, чего было не жалко».

И опустил руку моя, а в сердце закралась мысль страшная – прав леший. Прав. Эмоционально то аспиды для меня, ведьмы, разные, но коли тому что подростком на краю опушки стоял выпало бы сына потерять и жену самолично убить, эмоционально поменялся бы он, изменился, и тогда...

– Может, ты и прав, – прошептала я.

Кивнул лешенька, да только безрадостно – нечему было радоваться.

– Как узнал-то? – спросила по поводу воспоминания этого.

Пожал леший плечами могучими, да и ответил:

– Леся аспиды не нашла, Ярина аспиды не нашла, я одну клюку взял, опосля за вторую взялся, вот вторая и... показала.

Посидели молча. Да и что сказать-то? Ведунью Гиблого яра было жаль. Клюку ее жаль. Правнука вот тоже жалко очень, а что тут сделаешь?

– С Агнехраном говорила? – спросил леший, кивнув на блюдце перевернутое.

– С ним, – указала на бумагу с записями, – заклинание спросила, да совета.

– Дал, совет-то? – враждебно лешенька поинтересовался.

– Дал. Много чего дал, многое объяснил, о многом задуматься заставил. Аспиды бы мне.

И тут как по заказу – распахнулась дверь многострадальная, да так что чуть с петель не рухнула, и рухнула бы, да только подхватил ее Аедан, поглядел на порчу моего имущества сконфуженно, и мне сказал:

– Сейчас исправлю.

И засияли два круга алхимических там, где петли были, железо ржавенькое расплавили, да тут же и заковали, и стали петлицы новехонькими, словно только бы от кузнеца забрала. Одного только аспид не учел – когда кует кузнец, он же не прямо на дереве-то железо расплавляет.

– Кхе-кхе, – закашлялась я, рукой дым разгоняя.

– Исссправил, – прошипел леший, пламя гася, да дерево обугленное наращивая.

А я на это дело посмотрела, вздохнула, охранябушку добрым словом поминая, и перевернула блюдце серебряное – да только не было там уже никого, одна пустая, холодная, меня растерянную отразившая серебряная поверхность. И грустно так стало.

– Твое платье, – сказал аспид, – и туфельки.

И сложил все аккуратно на кровать мою.

– Благодарствую, – ответила рассеянно.

За окном гремел пир веселый, пели песни заунывные и заувойные волкодлаки, подпевали им бадзуллы, что-то вставляли со смехом вампиры – веселилась и пиновала нечисть почтенная, им, в отличие от меня, сегодня не воевать.

– Ты на пир иди, господин Аедан, – посоветовала, заклинание читая про себя, – об одном лишь прошу – в вине меру знай сегодня, коли лешенька да Водя не справятся, твоя помощь понадобится мне.

И выпрямился аспид, хотя навроде и так ровно стоял, на меня поглядел глазами змеиными, да и спросил:

– А что ты делать собралась, хозяйка лесная?

Но ответила ему не я, леший ответил:

– А ты, аспид уважаемый, что на опушке яра Гиблого будучи парубком безусым делал-то?

Медленно аспид голову повернул, странно так на лешиньку поглядел, весьма странно, словно убить его прямо сейчас готов и всколыхнулась в нем эта злоба страшная, я аж побледнела, да только... как всколыхнулась, так и схлынула, и ответил Аедан сквозь зубы:

– Не я.

Леший на меня посмотрел. Я на него, ему и сказала:

– Не он, говорила же тебе.

Но друг верный на своем стоял:

– Говорила, да опосля подумала, и к выводу пришла, что прав я.

– Да, была мысль такая, – согласилась я, – только господин Аедан сейчас в такую ярость пришел, что одно могу тебе сказать – был бы там он, да еще парубком нервнонеустойчивым, он бы не боль свою отпустил, а весь яр сжег к чертям гулящим.

Тут и аспид и леший так на меня посмотрели, что даже неудобно как-то стало.

– В ярость пришел? – переспросил лешенька.

– Боль отпустил? – в свою очередь спросил аспид.

Объясняй им все теперь. Вздохнула я, поднялась величественно, да и высказала:

– Лешенька, месяц высоко, пора нам. Аспидушка, я тебя уважаю, силу твою признаю, авторитет тоже, но коли еще раз на лешего моего взглядом таким поглядишь, вышвырну из моего леса заповедного не задумываясь. Понял меня?

Видать не понял. Застыл, глаза сверкают, зубы едва не скрежещут, от самой такой сила исходит странная.

– Охлонись! – потребовала я.

И заметалась по избе, собираясь.

Многое приготовить надобно было – веник ромашковый, веник мятный, да веник дубовый. Окромя еще плоску деревянную, нож костяной ритуальный, да бинт, в свое время в спирту можжевелевом вымоченный. Пока бегала, волосы в косу кое-как приладила, но как собрала все, да обуваться стала, опали на лицо растрепанными прядями, чуть не упала нагнувшись, хорошо аспид придержал. Леший не мог – он держал веники травяные, и плоску, и бинт в плоске, хорошо хоть нож костяной я уже в ножны уместила да на пояс повесила.

– Благодарствую, – быстро аспида поблагодарила.

Не ответило на мою благодарность чудище легендарное, лишь спросило недобро:

– Нож зачем? И от пиалы этой кровью несет.

– Ну, несет и несет, – я быстро обулась, кое-как волосы заплела, с вызовом на аспида посмотрела. – Не бойсь, не всю потрачу, тебе ровно треть останется, как и договаривались.

И не ожидая ответа, из избы выскользнула, по ступеням вниз сбежала да и со всего маху врезалась!

Аккурат в аспида и врезалась. Отшатнулась, голову запрокинула, на невесть как на моем пути вставшего, и уж спросить хотела, как засиял вокруг нас круг алхимический.

И вот это он уже зря.

Топнула ногой оземь, и погас круг алхимический, затухли руны да письмена.

Сузил глаза змеиные аспид.

– Забыл, с кем дело имеешь? – спросила разгневанно.

Видать забыл, теперь воззрился на меня так, словно вспоминал... или мне напоминал, кто он взглядом своим полным ярости. Да вдруг понял и он, и я, что... тихо стало вокруг. Выглянула я из-за аспиды – а там пирующие застыли, на нас глядят с интересом, и Гыркула, вот даром что граф, взял да и сказал Далаку:

– Два золотых на ведьму ставлю!

– Пять на аспиды! – не остался в долгу вождь волкодлаков.

– Душу человеческую на ведьму! – заорал, судя по всему, черт.

Вот же... куда вообще кикиморы глядят? Мужика на болоте всем гуртом и то удержать не могут!

– Граф, я же сейчас выпью! – произнесла, голос повывисив.

Пауза и виртуозно-наглое от Гыркулы:

– А, все, пари расторгается. Други мои верные, за нашу ведьму славную, когда трезвая!

Его тост поддержали.

– За госпожу лесную хозяйку!

– За ведьму лесную!

– За ведунью справную!

– За победу!

Дальше пир продолжился, а я, про войну-то вспомнив, аспиду сказала примирительно:

– Чего хотел-то, а?

Думала миром дело кончится, да не тут-то было.

– Пиалу и костяной кинжал, – отчеканил аспид, – ты с ними отсюда не уйдешь.

Вот привязался-то, а!

Постояла, посмотрела, подумала, и...

Резко шаг к аспиду сделала, руку подняла, ладонь к щеке черной словно сажа приставила, в глаза заглянула и передала ему, то воспоминание из прошлого, что клюка лешему поведала. Как есть передала. И черноту, по лесу расплзающуюся, и землю трещинами покрывающуюся, и листву прахом осыпающуюся, и слова юного аспиды «Покойся с миром, прабабушка». Все-превсе передала, и когда застыл аспид, соляным столбом застыл, сама быстрехонько клюку подхватила, оземь ударила, да и перенеслась без слов и объяснений аккурат на самый берег Заводи.

Водя меня ждал. Сидел красивый такой, одетый полностью по-человечески, с волосами уложенными, с лицом частью чешуей покрытым и ждал.

– А с лицом чего? – спросила я, подходя ближе.

– Эмм... новая мода, русалки мои постарались, покуда отдыхал, не хотел при них снимать, труд старательный напраслиной величать, – величественно произнес водяной.

Я пригляделась к чешуйкам – те казались серебряными, да тонко выделанными, видать и правда работа сложная, особенно для русалок. Им же серебро вредит, это Водя сильный ему серебро ни по чем, а русалки они по обыкновению с жемчугом возиться могут, а тут точно металл.

– Красиво, – протянула я, любясь тем, как луна в чешуйках отражается.

– Правда нравится? – оживился Водя.

– Очень, – серьезно подтвердила я. – Ночью особенно хорошо смотрится.

Из земли вышел мой леший, со всем для ритуала надобным, поглядел на водяного, от чего-то при друге моем помрачневшим, да и сказал:

– Это ж какой величины синячище-то должен быть, чтоб его залечить нельзя было, и пришлось серебром маскировать?

Водяной застыл, сделав вид, что вообще ничего не слышал. А я вот замерла, но по другому поводу – это что вот сейчас было-то?

– Водя, – голос мой сорвался и шепотом сдавленным стал, – на тебя аспид напал?! Как посмел? На моей-то земле?!

Не ответил мне водяной ничего, зато леший внес ясность в ситуацию:

– Не, не на твоей земле, Веся, в воде дрались мужики, не иначе.

И Водя мой, хоть и так ровно стоял, а выпрямился и еще ровнее стал, и хотел было что-то сказать, но перебил его лешенька, так рассудив:

– Аспид хоть и гад, но гад благородный – у водяного супротив него на земле не было бы и шанса, вот аспид и благородно набил ему морду аккурат в его стихии.

Тут отмер Водя, да и прошипел:

– А не пошел бы ты, леший, тропкой нехоженой!

Мы с лешинькой переглянулись непонимающе, да и пояснила я:

– Водя, это леший, он по нехоженным-то и ходит завсегда, служба у него такая.

Помолчал водяной, зубами поскрежетал, да и не стал ничего говорить.

Ему говорить и не требовалось – моя очередь пришла.

– Ну, – сказала я, – готовы?

Кивнул лешенька, кивнул Водя, кивнула и я, ответ их принимая. А опосля передала клюку свою привычную лешему, тот мне клюку Гиблого яра отдал, да и весь скарб мой из избы прихваченный.

– Леший, ты в лесу остаешься, – напомнила другу верному.

– Водя, рядом будь по-возможности, – попросила жалостливо.

– Буду, – уверенно пообещал водяной.

И мне бы уверенной быть, решительной, мудрой да сосредоточенной, а в сердце звучат слова охранябушки «Боюсь. Очень боюсь, Веся. До того боюсь, что вздохнуть тяжело. Измени слова последние, прошу тебя, не упрямься», и не получается сосредоточиться. Никак не получается. А зря.

– Помоги мне земля-матушка, – прошептала я.

Да и ударила клюкой оземь!

И может показалось мне, может почудилось, но за миг до того, как шагнула на тропу заповедную, засиял в шаге от меня круг алхимический, вот только... поздно, меня уже не догнать было.

На землю Гиблого яра ступила неуверенно. О силе своей ведала, о возможностях знала, о том, с чем столкнуться придется тоже догадывалась, а все равно робело сердце, дыхание срывалось, да страх в душе был. Страх, самый настоящий.

За спиной моей река вспенилась, забурилась, да от силы потоков водных задрожала земля под ногами – водяной сейчас частично отрезал меня от яра Гиблого. Только частично, связь то мне держать с лесом требовалось неизменно. Вот и получилась полянка каплеобразной формы – узким концом с яром соединенная. На конце том тут же Ярина возникла, да и смотрела встревожено, страха и волнения не скрывая, даже цветы, что распустились на ней, вянуть прямо на глазах начали.

– Не бойся, – успокоила я чащу, – сегодня никто не погибнет, лишь покой обретут те, кто ищет покоя.

Но Ярина тревожилась, и все сильнее. И хоть не живая, но тряслась как лист осиновый, дрожала всем телом, то на меня, но на лес оглядываясь.

– Ярина, случилось что? – спросила дурное чувствуя.

Протянула чаща руку, от нее до моей побег вырос, и едва моей ладони коснулся, увидела я то, что Ярину до смерти перепугало – девушку я увидела. Девушку в платье белом, что босая металась по яру Гиблому. Кожа у нее была белая, почти фарфоровая, волосы черные блестящие, лицо красивое, словно из мрамора высеченное мастером, вложившим всю свою любовь в свою статую, и глаза – огромные, абсолютно черные, словно два отполированных до блеска обсидиана.

И волосы медленно зашевелились на затылке от ужаса.

– Веся, что случилось? – встревожено спросил водяной.

Я обернулась к нему – Водя из воды на половину высунулся, рядом с ним его золотая стража была, двадцать отборных воинов-русалов в золотых доспехах, чуть подалее стража серебряная – с полсотни, не меньше, еще далее жемчужная охорона наготове стояла, никак из самого океана приплыли. Водя же водяной не обычный, особенный он стал после того, как силу чародейки получил, от того и территории у него большие, аж до океана простираются, и войско немалое. Да только не поможет мне все это войско, коли мавка в нежить обращенная до меня доберется! Мне тогда уже ничего не поможет.

– Веся? – Водя занервничал.

А я на него смотрю, и что сказать не ведаю. Коли правду скажу – Водя меня отсюда вытащит, супротив воли моей вытащит. Скажу лешему – тот же исход. Про аспиды и говорить нечего. А я мавку мертвую в Гиблом яру оставить не могу! Кто ее создал вопрос хороший, да только ответ мне не поможет. Мавки – это утопленницы. Те, кто жить не захотел, да в стремнину шагнул осознанно. Именно осознанно – это главное в перерождении. Именно осознанность не дает мавкам стать нежитью, они нечистью остаются. И живут себе в реке, али близ нее, песни поют, хороводы устраивают, венки плетут в полночь, да парней иной раз к себе заманивают... А дальше как получится, кого отпустят, кого в топь заманят, а если кого полюбят, живут с ним как муж с женой, с одной лишь разницей – днем мавка из дому не выходит, жжет ее солнце, не до смерти, но жжет. Вреда от мавки обычной немного, разум то они сохраняют, так что и договориться можно, и водяным пригрозить, и в целом народ адекватный, разве что с русалками вечно ссорятся. Но коли дева юная в стремнину шагнула не осознанно, а под действием чар, да опосля смерти своей чарами же была и поднята, появляется совсем иное существо – навкара. Навкары опасны. Смертельно опасны даже для меня, ведуньи леса Заповедного. Скорость у нее сверхъестественная, выносливость – моему лешему на зависть, регенерация – бесконечна, а коли опасность высока, навкара прыгнет так высоко, что любая опасность внизу останется, но не надолго – упав сверху навкара молча убьет. И хорошо если молча, потому как своим голосом навкары могут многое – и в транс ввести, и в ступор, и пара-

лизовать. А могут заставить врага в себе самом увидеть, и себя же убить без колебаний да на радость улыбающейся навкаре.

От того сражаться с ней бессмысленно – отгородиться, отбросить, парализовать на время краткое и бежать, далеко-далеко бежать, вот только мне отступать некуда. Это мой лес. Теперь мой. И если мавки лесу полезные – где мавка шагнет, там трава и та зацветет, то с навкарой иначе все – следы ее черной гнилью оборачиваются, губит она лес, не сразу, но губит. И если в мой Заповедный пройти не сумеет, границы охраняются, то в Гиблый яр пробраться ей не сложно было, Ярина-то еще слаба, а потому... схватки с навкарой мне не избежать. Никак не избежать. Она всех погубить может – и лешиньку, и водяного, и вампиров, и волкодлаков, с бадзулами разве что провозится чуть подольше, но и их без труда уничтожит. Моровиков позвать? У них крови нет, навкаре на них нет и смысла нападать, но вот слежу я за ней глазами Ярины и вижу – не за кровью в мой лес эта тварь пожаловала, вовсе не за кровью, она мимо оленей пасущихся легко проскользнула, на кабанов не взглянула даже, а сама вся белая от голода, так что не кровь, вовсе не кровь ей надобна была – она за жизнью пришла, и что-то мне подсказывает, что за моей.

А я за жизнью моей никому бы приходиться не советовала бы!

Опасно это, за жизнью моей приходиться, недалновидно я бы даже сказала!

«Лешенька, – отпустив побег Ярины, друга верного позвала, – соль мне нужна, вся какая есть, вся нужна, да в избе, в сундуке моем есть пузырек из стекла зеленого, его захвати, нужен безмерно».

Леший тут же ответил:

«Это какой пузырек, тот коим ты отравиться опосля смерти Кевина думала?»

«Он самый. А еще, знаешь, платье мне нужно мое, свадебное».

«Так я ж его порвал, – напомнил друг-соратник».

«Неси рваное, что ж делать-то. К заводу неси, сейчас водяного пришлю».

И весело Водю попросила:

– Не хватает мне сущей малости, коли не трудно, перенеси от лешеньки ко мне да скоренько.

Нахмурился Водя – как-никак при всей его армии за передачей послала, но слова мне не сказал, лишь кивнул, да умчался мгновенно, под блестящими взглядами всей своей армии. А у русалов глаза ярче доспехов их заблестели, и все почему – да любопытные они сверх меры. Таким яд доверять никак, они ж как дети малые, коли увидят что-то закрытое, тут же нос свой сунут, непременно сунут, природа у них такая. От того и помчался Водя сам, знает уже хорошо своих подданных, и меня знает, сразу понял – опасное что-то принести нужно, очень опасное.

Я же вдохнув грудью полной, улыбнулась месяцу, Ярине сказала «Не усердствуй с защитой» и начала готовиться к делу славному, но кровавому. Для начала прут взяла ивовый – им круг обвела в пять шагов диаметром, аккуратно по границе затопления островка. И там, где связь с лесом была, только там разложила для начала мяту сушенную – любую нежить замедлит она, опосля веник ромашковый разложила по веточке – нежить любую он о прошлом задуматься заставит. Аккуратно раскладывала, бережно, не торопясь. Как закончила, как раз и Водя вернулся. Я к нему поспешила, мешочек с солью взяла небрежно, платье через плечо перекинула – а вот пузырек с ядом очень-очень осторожно.

– Весь, – тихо сказал Водя, – ты же его пить не собираешься?

– По обстоятельствам, Водя, по обстоятельствам, – улыбнулась ему. – А теперь прикажи армии своей затонуть ненадолго, переодеться мне надобно.

Приказал. И раз приказал. И второй. И третий. Да только пока кракена не позвал, толку с его приказов не было – ну любопытный народ русалы. Они любопытнее русалок будут. И сплетничают втрое больше, чем женские особи, и за собой следят в сто раз лучше, и даже волосы красят в цвет доспехов своих. Так у золотой гвардии и волосы золотые, у серебряной

соответственно серебряные, а вот как жемчужные войска жемчужного цвета волос добиваются мне вообще неведомо. Но я время не теряла, пока Водя на рев срывался уж пару раз, я за пределы круга шагнула, да обильно солью проход посыпала. Соль вообще штука хорошая, от нечисти защитить может, если концентрация нужная, и от нежити тоже помочь способна, вот только не от всякой... от навкары соль не защитит, и я это знала преотлично.

А потом, пока Водяной зорко за гладью водной следил, быстренько в платье свое переоделась, хоть и не самое приятное это дело было, не остирала я его от крови, и застыла та пятнами бурыми, а на спине платье вовсе порвано было, ну да сойдет, а уж потом, как-нибудь, приведу его в вид человеческий.

– Ну, все, – объявила я водяному, усаживаясь в центре круга поудобнее, и размешая перед собой плоску с кровью, пузырек с ядом, да кинжал костяной.

– Что значит «все»? – возмутился Водя. – Веся, у тебя вся спина голая!

А, да, точно – и я волосы распустила.

– Очень смешно, – выругался водяной.

Обернулась, посмотрела на него, да и сказала как есть:

– Водя, она меня только спереди видеть будет, на спину мою ей смотреть будет некогда.

– Ей это кому? – прорычал водяной.

Подмигнула весело другу давнему, повернулась лицом к лесу, нож взяла рукой левой, запястье обнажила на правой, голову запрокинула, на месяц глядя, улыбнулась – опасность всегда с улыбкой встречать надобно, я же ведьма, а мы народ гостеприимный, и начала со слов Агнехраном поведенных:

– *Frigus, ventum, et*

Corda vestra sunt, sicut lapis in mare

Ego addictos suffocatio in mea motus

Oceanum dixit omnia esse denique

Si vos ire ad somnum...

Слова на языке магов, языке что раздражал, вызывал бешенство у нежити, слова сказанные с веселостью и беспечностью. Так маг самоучка, раздобывший учебник где-нибудь, пробует силы свои... и гибнет. Не существует магов самоучек, нет их, не выживают они, такой вот своеобразный природный отбор. И вот сейчас я взбесила всю нежить в округе заклинанием своим, и послышался рев, рык, хрип, вой, загудел Гиблый яр, взбунтовался, в неистовство пришел.

Улыбнулась я шире, да и вторую ошибку совершила, из тех, что маги-недоучки совершают – к крови своей прибегла. Легко прошлось лезвие костяное по тонкой коже запястья, заалел порез, набухли тяжелые багровые, почти черные в темноте ночи капли, да потекли в плоску подставленную.

И задрожала земля, затряслась – я всем телом то чувствовала.

Вскипела вода за моей спиной – Водя перестраховывался, войска свои подогнал ближе, и судя по плеску кракенов не щадил, гнал со скоростью огромной. Зашумел и лес впереди, загудела земля – Ярина тоже к схватке готовилась, силы свои стягивала, и вспарывая почту поднимались из глубин кусты терновые, стеной непролазной вырастали деревья, наливались ядом острые клиновидные колючки на лианах. Опытная была Ярина, ослабленной, это да, но опытной и знающей, от того знала и я – никого из нежити не подпустит она ко мне. Но существовал на свете и еще кто-то, кто точно знал – Заповедная чаща свою ведунью защитит от всего. От всего, кроме навкары!

И схватив клюку левой рукой, я ударила по земле правой кровотокающей ладонью, и вскинув голову, посмотрела в глубь темного леса.

Навару я увидела почти сразу, но она почувствовала меня быстрее. Тоненькая темно-волосая фигурка в белом легком обнимающем ее стан платье, сидела на ветви пораженного

гнилью искривленного скверной дерева, выгнув спину словно кошка, и принохивающаяся к воздуху словно гончая, что почуяла добычу. Да, не ошиблась я, по мою душу оказалась здесь навкара, за мной пришла, исключительно за мной.

«Веся, что у тебя? Творишь что? Веся, вампиры застыли, чувят что-то. Моровики из-за столов повывлетели, бадзулов едва на границе сдержал. Что ты делаешь?»

«Держи их, никого не пускай, навкара тут, лешенька, навкара, за мной послана, за мной и пришла».

Ничего не ответил леший, только завыл да так, что вой его в клюке отозвался. Силен был наш враг, силен и умен сверх меры. Это хорошо, что Ярина предупредила вовремя, да углядеть навкару смогла даже в той части леса, которую не контролировала, а коли не углядела бы... для навкары солнечный свет, особенно в густом темном лесу, опасности не представляет, да даже неудобства не доставляет никакого. И она напала бы на меня, рано или поздно, но напала бы. И вот тогда никто бы не спас... Да и сейчас едва ли смог бы спасти хоть кто-то. Ярина попыталась, сейчас, когда я держала клюку, она моими глазами видеть могла, моими и леса, и узрев где засела навкара, попыталась сплести терновую сеть, но тщетно – улыбнулось навье отродье, блеснули клыки пол алыми губами и звуковая волна хлестко ударила по терновому плетению, разрывая его в клочья... А после навкара помчалась ко мне. Даже не помчалась – она словно летела. Как мотылек, почти не касаясь ни земли, ни ветвей. Она мчалась, целенаправленно и точно, отмахиваясь от Ярины легко... слишком легко. Чаща за ней попросту не поспевала, навкара слишком быстра, слишком подвижна, фантастически проворна. И она неслась ко мне, с неутомимой жадой моей, именно моей крови.

Кажется, мне еще никогда не было так страшно.

Умом все понимаю, правильно сделала, да и шанс если и будет, то только сейчас, а сердце замирает от ужаса, потому что чувствую, уже чувствую – навкара завывала. И от воя ее сыпались листья с деревьев, опалили ветви сломанные, гибли нетопыри, не успевшие уйти от звуковой волны. И эта смертельно опасная звуковая волна неслась ко мне...

– Аскарган! – выкрикнула, вскинув правую ладонь.

Заклинание, которому когда-то научил меня Тиромир, сработало безупречно – и звуковая волна разбилась о магический щит, не причинив мне никакого вреда.

Вот только Водя сходу осознал – я в опасности и утаила это от него.

– Убью, Веся! – прошипел он.

Но это он на эмоциях, а в деле военном водяной был силен, и сходу разнеслось над водой: – Сирены!

Второй звуковой таран созданный навкарой разбили сирены, они в голосовом деле послабее были, зато их было много, подстраховался Водя. Подстраховался и... перестарался, откровенно говоря. От воя сирен рухнули деревья. Не все, лишь те что подняла из земли Ярина, и от того корни у них слабы были, но деревья именно эти моей защитой от нежити были, а потому:

– Водя, нет. Не вмешивайся, – приказала я.

То что водяному это не понравилось, это и дураку было ясно, да только – на суше Водя навкаре не соперник, а в воду эта тварь сама не сунется. Разумная она, в том, что касается боя, всегда разумная. Я ладонь в кулак сжала, и от того кровь потекла сильнее и... страшно мне было, а как-то держаться надо было, страшное впереди все, я это понимала.

«Ярина, оставь ее, то мой бой, держи нежить», – приказала чаще.

«Когда вмешаться?» – пришел вопрос от лешего.

Ох, хотелось сказать «сейчас», да только... не выход это.

«Если крови во мне почти не останется», – сказала честно.

Она появилась на ближайшем дереве. Белая тень, что в сумраке выделялась черными волосами. Огромные черные глаза заблестели, при виде меня, алые губы растянулись в жуткой усмешке, обнажая жуткие, наполняющиеся чернотой клыки.

«Держись, Веся, держись», – сказала самой себе.

И протянула руку, размещая порезанное запястье над плошкой... навкара недовольно заворчала, видя как кровь, которую она уже считала своей, бессмысленно вытекает.

– Остановись, ведьма, – звук ее голоса резанул по ушам.

С громким плеском ушли под воду кракены, они не выдерживали высокочастотных звуков, для них такое было почти смерти подобно. Мне же попросту неприятно, и от того я сильнее сжала кулак – кровь потекла вдвое быстрее.

Навкара заорала, да так споро, что я не успела применить заклинание!

Звуковая волна едва не сбила с ног, хотя я сидела, ударила в грудь, не давая сказать и слова, почти оглушила, ударила по глазам так, что черные точки заплясали передо мной, демонстрируя, что дело плохо, очень плохо.

Что ж, выбора нет – переходим к козырям сразу с начала игры.

Скользкой от крови рукой я схватила пузырек, большим пальцем сдвинула древесную пробку и сама чуть не задохнулась от вони – яд был выжимкой из Бледной поганки и Мухомора вонючего. Причем я лично не знала, чего в нем больше – поганки или мухомора, судя по вони мухомор определенно в данном составе превалировал, преобладал и доминировал. Данный яд получали все ученицы Славастены, абсолютно все, наставница равнодушно предоставляла нам возможность в случае большого на то желания покончить жизнь самоубийством, не доставляя никому проблем. Я вот только одного так и не поняла – этот яд обладал столь убийственной вонью для того, чтобы его нельзя было никому подлить, или чтобы одним своим запахом сразу отбить всяческое желание самоубиваться? В любом случае – яд работал. Я этот пузырек уже раза два открывала, и каждый раз данное амбре убеждало в том, что жизнь не такая уж и плохая штука, в любом случае лучше настолько вонючей смерти. Вот и сейчас даже глаза заслезились, и не только у меня.

– Не-е-ет! – завизжала навкара, не слишком удачно отпрыгнув назад, вследствие чего свалилась с ветви, не успев перегруппироваться, ударилась спиной о нижнюю ветку, огласив лес хрустом костей, упала ниже, сломав ребро.. или несколько сразу, и рухнула наземь, насадившись животом на обломок дерева, оставшийся после выступления сирен.

Не то, чтобы я на что-то рассчитывала, навкару очень непросто убить, у нее мгновенная регенерация, а отрубленные конечности, кроме головы, конечно, вырастают тут же. Но ее падение дало мне шанс, прекрасный шанс, для того, чтобы поговорить.

– Слушай внимательно, – произнесла я, держа пузырек у рта, и пытаюсь сдержать подкачивающую тошноту, – мне нужно произнести заклинание. Всего одно заклинание, и после я вступлю в бой.

– И сдохнешь! – прошипела навкара, рывком поднимаясь, и оставляя стремительно гнить дерево, на которое пролилась ее кровь.

– И сдохну, возможно, – согласилась я, думая о том, что смерть от клыков навкары еще вполне себе ничего, по сравнению с этой адской вонью, – но либо так, либо я выпиваю яд.

Неестественно гибкая фигурка в испачканном, прямо как у меня, белом платье замерла. С треском срастались сломанные кости, вернулась на место искалеченная падением рука, в нормальное положение встала шея, раскрылась страшная пасть, и навкара прошипела разъяренное:

– Не успеешь!

И стремительно ринулась на меня.

А стремительность, это не всегда хорошо, особенно если имеешь дело с ведьмой.

Через соляную насыпь навкара перемахнула не глядя, лишь усмехнулась победно, сочтя меня совсем дурой, а вот на мяте споткнулась, замедлившись и раскрыв рот от удивления, и на ромашке рухнула, погребенная лавиной своих воспоминаний.

И вот тогда улыбнулась уже я.

Улыбнулась, пузырек перед собой поставила, пристально за содрогающейся навкарой следя ладонью окровавленной оземь ударила, и зашептала слова ведьминские, с магией ведуньи лесной переплетенные, слова истинные, слова покой приносящие.

– Словно камень в тихой реке,
Ты уснешь в тихом омуте,
Ты спокоен, ты больше не воин.

Слова приходилось менять на ходу, потому что у меня не было никакой возможности успокоиться – я была настороже, и я была готова к бою, а потому... заклинание пришлось изменить.

– Я слышу мелодию тишины,
Я вдыхаю сияние луны,
Я сумела, значит сможешь и ты,
Увидеть добрые светлые сны.

Навкара неестественно выгнулась, человеку подобное движение переломало бы позвоночник, но для нее все обошлось лишь хрустом костей и воем – видимо жизнь эту трансформированную чарами мавку не радовала, и воспоминания ее практически убивали.

Но думать о том времени не было. Моя кровь стекала по коже теплыми струйками, в голове звенело от слабости, а заклинание напоенное влагой моей жизни следовало завершить. И понеслись последние слова:

– Снег на земле так прекрасен,
Тихо шепчет о чем-то ясень,
Ветер легко уносит всю боль,
Спи, он заберет с собой.
А за сном последует свет,
Как за ночью идет рассвет.
Успокойся, глаза закрой,
Я держу тебя за руку, я с тобой.

И страшная боль пронзила грудь, словно кто-то ледяной рукой пробил кости и сжал ледяной хваткой мое сердце.

От боли, от чудовищной боли, я согнулась пополам, и меня спасло именно это – пузырек с ядом все еще оставался на траве передо мной, и согнувшись, я практически уткнулась в него носом. Вонь отрезвила! Вонь заставила думать, невзирая на чудовищную боль, и я словно вновь услышала слова Агнехрана «Боюсь. Очень боюсь, Веся. До того боюсь, что вздохнуть тяжело. Измени слова последние, прошу тебя, не упрямься». Я не стала думать о том, прав был маг или нет, не до рассуждений было, но одно сердцем чувствовала – Агнехран плохого не посоветует. И преодолевая боль, губами похолодевшими, прошептала начало заклинания своего:

– Словно камень в тихой реке,
Ты уснешь в тихом омуте,
Ты спокоен, ты больше не воин.
Ты спокоен, ты больше не воин.
Ты спокоен, ты больше не воин!

Лишь на третий раз отпустил могильный холод, разжалась призрачная рука, ушла боль. Лишь на третий раз... А вот вонь никуда не ушла, и вздохнувшая всей грудью я сильно о том пожалела, до слез просто! До чего ж яд то вонючий, до нутра пробирает.

– Веся! – Водя обнял за плечи одной рукой, в другой меч был серебряный, ненавидел его водяной страшно, аллергию он у него вызывал, но ради меня и на сушу вышел, и меч лучший супротив нежити взял.

Супротив любой нечисти лучший, но не супротив навкары.

– Водя, в воду! – прошипела я.

И услышала то, что только и могла услышать от водяного:

– Сдурела, Веся? Это навкара! Ты знаешь, почему ее так называют? Это сокращение от «навья кара», она от силы противника питается во время боя! Ее даже мне убить не просто, а тебя она выпьет как младенца, без труда совершенно!

Я голову запрокинула, на него посмотрела, да и сказала тихо:

– Я видела, как она двигается по лесу, Водя, нет у тебя ни шанса супротив нее на суше, ее чарами подняли, да чарами усилили, ей сейчас и противника пить не требуется, своих сил хватает. Уходи в воду, добром прошу. Сейчас уходи, пока не поздно еще, прошу тебя.

Зубами проскрежетал водяной, меч ухватил крепче, и... понял. То, что донести до него хотела, он это понял, стоило ему на навкару взглянуть. Правду Водя сказал – она от силы противника питается. И пока противником ее я была, силы ей черпать было неоткуда – я ведунья лесная, мне силу лес дает, а лес ей не противник, в отличие от водяного. А вот от водяного черпать силу она и начала, да стремительно. Спущенной тетивой от земли отскочила, пасть оскалила, глаза черные кровью наливаясь стали, с губ капнула пена... о том, что дальше произойдет гадать смысла не было.

Вскочив, да так споро, что голова закружилась, я оттолкнула Водю, выставив перед собой клюку и вовремя – когда навкара прыгнула, ударная волна снесла ее с такой силой, что тварь сломала несколько деревьев по траектории своего полета. Но это ничуть не остановило ее и навкара, словно пружина, оттолкнувшись от дерева в которое влетела спиной, бросилась на меня. Ярина торопливо брешь защищающую меня от нежити залатала, а сил меня спасать у нее не было.

– В воду! – закричала я, сильнее клюку сжимая, и взгляда от навкары не отрывая.

Изящная грациозная бестия, в легком белом платье прыгающая по деревьям, взметнулась вверх, собираясь спикировать на меня так, чтобы мне пришлось силу свою контролировать – она знала, ударить не смогу, боясь повредить заграждение от ревущей за живой стеной нежити, а скинуть ее в воду при таком угле падения, не было никакой возможности...

Плеск за моей спиной, мне оставалось лишь надеяться, что это Водя ушел, чудовищное лицо пикирующей прямо на меня навкары, ее жуткая торжествующая обнажающая клыки кровавая улыбка, и совершенно неожиданное движение справа, из-за моей спины.

Аспид шагнул со скоростью атакующей кобры, как высвобожденная пружина. Левая его ладонь была раскрыта, и перед ней сверкал алыми письменами алхимический круг, в правой он держал раскаленный до красна меч. Удар заклинанием – и навкару отбросило до края поляны, не повреждая деревья. Она упала на четвереньки, выгнула спину и заорала. Алхимический круг увеличился, поглощая звуковую волну, и аспид начал вращать меч с такой скоростью, что тот образовал второй огненный круг. Потрясенная навкара заворожено уставилась на пляску огня, и этой секунды аспиду хватило сполна.

Бросок серебряного кинжала, отработанный, техничный, выверенный – и навкара перекачивается по земле вправо, уходя от ранения, чтобы погибнуть, едва вскочила на ноги. У нее не было и шанса, и огненный круг остановился в ее сердце, пробив грудь навылет. Остолбеневшая навкара заорала от ужаса, боли и ярости, но алхимический круг поглотил ее крик, тонкой призрачной пленкой обхватил голову с разъявленной пастью и я услышала короткий приказ асида:

– Отвернись!

Отвернулась тот час же, и вздрогнула, услышав жуткий и мерзкий хлопок, как будто что-то приглушенно взорвалось... Когда повернулась, аспид совершенно бесстрастно противрал куском ткани свой меч, обезглавленная навкара медленно рухнула на колени, а затем завалялась набок. Черная кровь пульсирующе лилась на траву, тело измененной чарами мавки стремительно разлагалось...

За то время, пока я потрясенно смотрела на ту, что считалась неубиваемой, аспид хладнокровно прошелся по поляне, нашел и поднял свой кинжал, засунул в ножны меч, после чего все так же, спокойно и уверенно подошел ко мне и задал всего один вопрос:

– Что воняет?

– Яд... – прошептала я.

Голос сел, нормально говорить не получалось.

– Что за яд? – несколько напрягшись, спросил господин Аедан.

– Мммой яд...

Внезапно поняла, что у меня голова кружится... от недосыпа видать.

– Хм, – протертый насухо кинжал тоже отправился в ножны, – твой значит. И что ты собиралась с ним делать?

– Пить, – ответила, уже вернув голос.

Он как-то внезапно вернулся, видимо из-за идиотизма вопроса. Просто вот что еще можно делать со своим ядом, если твой противник навкара? Ее не отравишь, она не дура поглощать яд не будет, естественно.

– Пить? – нехорошим, злым голосом переспросил аспид.

– Ну, пить, конечно, – я клюку выпустила, рану на запястье правой рукой зажала и пояснила непонятливому: – Это навкара, на меня натравленная приказом магическим, ей моя кровь позарез нужна была, это и я знала, и она. От того яд и понадобился – напади она до срока оговоренного, я бы яд выпила, и тогда моя кровь для нее ядом была бы. Видишь, расчет простой и понятный.

– Вижжжу! – прошипел аспид.

Да ко мне быстро направился. Так направился, что я отступила с перепугу, и чуть клюку не призвала. Аспид зло усмехнулся, подошел, за руку раненную схватил и спросил лютым голосом:

– Боишься, ведунья?

В глаза взгляделся и продолжил:

– Побледнела даже, ну надо же. Навкару ты не боишься, ты у нас смелая, из тех что «сама сдохну и врагов с собой заберу», а меня, значит, боишься?

– Ну ты же не враг, – сболтнула со страху.

Он усмехнулся, головой покачал неодобрительно, ладонь над моим запястьем простер и начал затягиваться порез кровоточащий.

– Ну, коли не враг, сберегу тебе бинты, – сказал аспид язвительно, – стирать не придется.

– Это точно, – согласилась, следя за тем, как исчезает и рана, и даже потеки крови.

Я наблюдала за исцелением, и только сейчас чувствовать начала боль в груди холодную, словно чернильное пятно растекающуюся, и с каждым вздохом усиливающуюся. И не понравилось мне это, совсем не понравилось, так не понравилось, что заволновалась я, и было же от чего волноваться – происходило что-то, чего я вообще не ведала. Зато мне было известно, кто ведает.

– Аааспид, аспидушка, – проговорила голосом слабеющим, – мне маг нужен.

– Мм? – спросил господин Аедан, пристально следя за запястьем моим и тем, как шрам ровной чистой кожей обращается.

– Агнехран, – выдохнула я.

Аспид вздрогнул и на меня посмотрел. Так словно я его имя назвала, или имя, что знал хорошо, очень хорошо, будто связан был с его носителем.

– Агне... архимаг нужен? – спросил, сбившись в начале вопроса.

Нужен, ох как нужен. Так нужен, что сама бы к нему обратилась, но боль в груди все росла и росла, чернотой изнутри наполняя, и чувство такое, что не доберусь я до избушки своей, да

и нельзя сейчас, нельзя мне отсюда ни на шаг уходить в эту ночь, иначе все сотворенное будет потеряно. Вот только с каждым вздохом чувство такое, что себя я уже теряю.

– Боль в груди, – прошептала, слабея, и понимая, что мага звать поздно, да и ответит ли на зов мой сразу же еще неизвестно, – лешего зови... и... – перед глазами темнеть начало, – и не буди. Не смей будить, нельзя сейчас.

На траву я не рухнула – аспид удержал тело мое, а вот разум удержать уже не смог, да и никто бы не смог. Тенью незримою шагнула я к клюке своей второй, с земли подняла, да и не чувствуя ни боли, ни холода шагнула с поляны прочь, лишь на выходе обернувшись да и... чуть прямо там не осталась! Целовал тело мое белое аспид! Как есть целовал. Платье сдернул, чуть что не до груди самой, и целовал выцеловывал, да так, что все русалы всей армией оторопели, а Водя змеем водным к аспиду ринулся, и получил разъяренное:

– Лешего зови, сам не смогу. Сейчас! Живо!

И водяной послушался, в воду скользнул да исчез, а я... я... стыдно мне стало. Это аспид бессовестный да бесстыдный, а у меня то и совесть и гордость в наличии. Вернулась я, вплотную к аспиду подошла, посмотрела выразительно.

Нет, взгляд он мой не увидел, конечно, но клюкой вставшей рядом с ним впечатлился, взгляд на меня, незримую, перевел, и спросил голосом дрогнувшим:

– Ввввв?

Наклонилась к нему близехонько, да у самого уха выдохнула:

«Ирод, платье на место верни и учти – коли грудь мою тронешь похабно, али еще что – клюкой промеж глаз своих бесстыдных и схлопочешь!»

Улыбнулся аспид, с облегчением улыбнулся, да с радостью нескрываемой и произнес:

– Веся, ты значит, а я чувствую, что уходишь, думал навеки...

«Нет, что ты, поутру вернусь, а пока дел много, – забавно было с ним так разговаривать, я возле лица его близехонько, вот-вот и носом к его носу прикоснусь, а он меня ни тронуть ни увидеть не может. – Водю за лешинькой послал это правильно, странную боль испытала, раньше с таким не сталкивалась, тревожно мне стало. А как леший проверит, возвращайся с ним в лес мой Заповедный, вы моя подмога, коли пойдет что не так».

Закрыв глаза аспид, вздохнул тяжело, словно нервы свои успокаивал, да и распахнув очи от ярости суженные спросил разгневанно:

– А то, что сейчас произошло, это все «пошло так»?!

Плечами пожала, не сразу вспомнила, что не видит он меня, да и ответила:

«Более-менее. Навкара, конечно, неприятным сюрпризом стала, но справились же, так что хорошо все, а тебе благодарность особая».

Посмотрел на меня аспид, посмотрел... да и вдруг рука его наглая и бесстыжая под ткань платья свадебного скользнула да и сжала то, чего трогать не должна была бы. Меня оторопь взяла и от этого, и от того, что призрачной сутью своей я прикосновение это почувствовала!

«Убью!» – прошипела я, клюку крепче сжимая.

– Ха, – произнес аспид, и тут же вопрос задал: – Значит, сама ты лешего позвать не можешь.

«Не могу, конечно! – я в глаза бесстыжие смотрю, то на руку его еще более бесстыжую, то снова в глаза. – Он леший Заповедного леса, я в данный момент ведунья Гиблого яра – связь между нами разорвана. И не лапай меня сказала!»

Аспид улыбнулся. Широко улыбнулся, нагло, опосля наклонился да и губами к губам моим прижался... Я чуть клюку не обронила, подхватила в последний миг, чувствуя... поцелуй ее чувствуя всем телом. Не только губами, но и душой, сердцем, теплом. Чувствую, а не должна ведь!

– Убью! – прозвучал на полянке голос родной да знакомый, голос друга верного, да защитника истинного.

– Мда, рано позвал, – вздохнул аспид и целовать меня перестал.

Леший тяжело к нему подошел, меня с рук бессовестных забрал, на траву бережно уложил, да и отступить собирался, как и следовало, только тут вдруг аспид вмешался:

– Подними ее!

– Нельзя, – огрызнулся лешенька, – она ведунья, она с землей леса этого, с почвой контакт иметь должна.

– Контакт? – тоном нехорошим переспросил аспид. – На ней платье порванное, ты почи-тай обнаженной кожей ее на землю сырую уложить хочешь?

Усмехнулся леший, да и предложил:

– А ты подлатай, коли прыткий такой.

Это лешенька сурово так подшутил – мое платье свадебное подлатать только я могла. И постирать тоже. Опосля ночи страшной, когда печать с Агнехрана-охранябушки сняла, его русалки отстирали да зашили, но продержалось все недолго – мое платье воспринимало только мое воздействие, мою магию, таким уж создала его, удара в спину завсегда ожидая.

Но аспид не купился и латать ничего не стал, молча рубашку с себя стянул, молча на земле растянул, меня взял да и переложил, а после, под взглядом мрачным лешего моего, руку мою левую с рубашки переложил на траву.

– Вот тебе и контакт с почвой леса, – произнес, поднимаясь.

Никак леший не прокомментировал, ни слова аспиду не сказал, напрямую ко мне обратился:

– Веся, так подойдет?

Я к лешиньке подошла, да и молвила ему шепотом ветра:

«Лесе прикажи настороже быть, опасаясь я, что не одна навкара припасена в закромах у врагов наших».

Леший было попытался ответить мысленно, но у меня в руках вошедшая в силу полную клюка иного леса была, не того, что на двоих делили, вот связь и разорвана оказалась.

– Понял, Веся, – тихо произнес.

Я кивнула, потом вспомнила, что не видать меня, и добавила:

«Аспида заberi, я от этой ночи хорошего уж не жду».

Вздохнул тяжело грудью могучей леший и произнес:

– Как скажешь.

И уже аспиду:

– Господин Аедан, мы уходим.

Полуголый черный аспид на это отреагировал ледяным:

– Леший, ополоумел? Там нежить кровь почуяв, озверела вконец, а ты предлагаешь Весю тут оставить?

– А она тебе не «Веся», – прорычал друг верный, – для тебя она «госпожа лесная ведунья», и как ведунья останется там, где ей следует!

Сверкнули очи аспидовы, да только я в конфликт вмешалась споро – подошла к Аедану быстро, к лицу его ладонью незримой-неошутимой притронулась по-привычке, но он почувствовал. Взгляд на меня тут же перевел, и щекой к ладони приник, и мне от жеста этого, теплее, чем от поцелуя стало, хотя откуда тому теплу взяться-то, зверь-чудовище ведь передо мной. Ну да не время думать о том, и приподнявшись на носочках, молвила шелестом листвы на деревьях:

«Ты мне по ту сторону реки нужен, аспидушка. Коли немогогу станет, я клюку отпущу и леший меня тут же услышать сможет, а вот сумеет ли вытащить уже вопрос, а вот ты сможешь, браслет мой обручальный на тебе. Ты иди с лешинькой, не упорствуй, так нужно, а за телом моим Водя приглядит, он от того и держится поблизости, чтобы уберечь-спасти коли потребуется».

Постоял аспид, на меня невидимую поглядел, да и спросил:

– А что если браслет лешему отдам?

Мгновенно оживился лешинька, головой закивал, его, стоящего позади, аспид не видел – он все меня разглядеть пытался, а я... что я скажу? Отдать, то может и верно было бы, и друг мой с этим согласен, вот только...

«У тебя, аспид, опыта больше, – сказала задумчиво, – и на тебя надежда моя последняя».

Накрыл мою ладонь призрачную своей рукой Аедан, в глазах словно мир рушится, но кивнул, реальность принимая, кивнул, отступил и исчез он в круге алхимическом.

И как только остались мы с лешим одни, произнес друг верный:

– Хороший был шанс от аспиды избавиться, очень хороший. От чего не воспользовалась?

Подошла к нему, клюку передала – леший тут же сжал рукоять деревянную, а я, пользуясь тем, что теперь говорить с ним могу напрямую, все ему и высказала, все что на душе творилось, все что чувствовала. Вот прямо так, как есть все и сказала:

«Не знаю я».

«А я так и понял», – усмехнулся лешенька.

Я клюку забрала, вздохнула, да и пошла волшебство творить, а то за разговорами глядишь и рассвет настанет, потом хлопот не оберешься.

– Поторопись, тревожно мне, – сказал леший напоследок.

И мне вот тоже тревожно было, если честно, но я пошла навстречу неприятностям, ждут же, значит нужно идти.

Через изгородь живую Яриной созданную, перемахнула как птица певчая, из тех, что в листве всегда не приметны, покудова не запоют. Я не пела. Скрыв от взгляда что звериного, что мертвого клюку свою, я к нежити спокойно подошла. Бесновалась нежить, тут правду аспид сказал, как кровь почуяли, особенно магическую, так покой и потеряли. Некоторые грызли деревья, старательно Яриной взращиваемые, кто-то прыгать да по деревьям вверх ползти пытался – но острые были шипы терновые, хлесткие удары – чаша Заповедная оборону держала уверенно. И ко мне на клюку слетел белый цветок – Ярина знала где я, чувствовала меня, да ждала приказов.

Я же неторопливо прошла через нежити ревуший неровный строй, подмечая упавших и уже упокоенных. Совет Агнехран хороший дал, и заклинание правильное – обрели покой те, кто желал этого, те, кто в Гиблом яру ходаками стали, те, кто мести и крови не вожделем, и искусственно создан не был. Те, кто скверной был заражен, кто против воли навечно в яру некогда светлом остался... таких было много. Среди них твари – некогда бывшие магами и основой армии мертвых ведуний являющиеся, а сейчас... метались три ведуньи меж лежащих на истоптанной земле магов, что прежние черты лиц своих возвращали, и из тварей вновь становились людьми. Только по изорванным мантиям, да лицам не искореженным и понять можно было, что маги эти. Их сурьма да мазь защитная оберегала, вот от того и возвращали они облик свой прежний, а простые солдаты нет. Лежали и они, бывшие воины обретшие покой, но искалечены были их лица, изорваны тела, раздроблены кости... А мне слова Агнехрана вспомнились: «Гиблый яр это, место известное, да столь же гиблое. Бывал пару раз, часть ходоков в лесу том – от моих отрядов остатки». Вот их я сейчас и видела – остатки отрядов магических, да охранников их, солдат простых.

«Ярина, – позвала тихо, – подними со земли сырой, отнеси к западной границе леса, да не погребай, там оставь».

«Земле полезнее будет» – не согласилась чаша моя вторая.

«Их есть кому оплакать, – не согласилась я с ней. – Исполняй, что велено».

И тихо побрела дальше, не глядя на тех неживых, что рычали и ярились, бросаясь на ограду, за которой чуяли кровь мою, но касаясь клюкой каждого из тех, что обрел покой. Их

оказалось больше. Намного больше, тех, кто был злобой отравлен. Говоря откровенно, ведуньи четыре пятых армии своей утратили, и теперь бесились, как могут беситься от ярости только ведуньи. А я искренне поразила силе, которой обладают маги – заклинание, пусть и переведенное на язык простой, язык черни, оказалось неимоверно действенным. Очень действенным. Действенным до такой степени, что страшно становилось где-то там, в глубине сердца – опасны маги. Это ж если я, ведунья лесная, используя одно заклинание результата такого добилась, на что ж тогда способным маги? А архимаги? Думать о том не хотелось, но я шла, каждого упокоенного касаясь, и все равно невольно думала.

Проще ведь было о таком думать, чем о тех, кого лес сейчас по воле моей поглощал. А я хоронила их, невольно воспоминания ловя... Вот женщина, вдова, что за дровами в лес отправилась, а дома дети малые ждали и... не дождались. И замерла я над мертвой, жалость-боль сердце сдавили, и протянула я над ней руку правую, клюку все так же левой держала, да и увидела, то, что лишь ведьма увидеть может – как дольше всех ждала мать дочка старшая. Как растила сестер и братьев, не доедая, не досыпая, как трудилась от зари до зари, как всем жизнь устроила, и в отчем доме осталась одна-одинешенька, ради других жившая, свою молодость, красоту, силу родным подарившая. И вроде призраком стою бестелесным, и вроде ведунья я, а скатились по щекам слезы горькие... и от ладони моей, от каждого из пальцев заструилась сила, не приметным цветком-ромашкой оборачиваясь, да понесся тот цветок через яр Гиблый, скверны избегая, степь перелетая. И деревенку полупустую заброшенную пролетел, в дом, кособокий от времени влетел, да на грудь женщины спящей упал. И спала она женщиной в годах, а проснулась девой юною с криком «Мама!». Прости, девочка, мать я тебе не верну, а вот молодость и красоту ведьме, что свою весну утратила, вернуть хорошему человеку не сложно. Так что будет у тебя все – и муж добрый-ласковый, и дети счастливые да здоровые, и радость, что на двоих с любимым поделишь. «Цветок береги этот, доченька, да ступай в Выборг-град, не оглядываясь, там судьбу свою найдешь». И улыбнулась нежить у ног моих, да и рассыпалась не прахом зловонным, а травой-муравой зеленой, как луга по весне, видать от дела доброго просыпаться он начал, яр, что некогда звался Светлым.

Улыбнулась грустно я, последнюю дань перешедшей за грань отдавая, да к следующему упокоенному умертвию шагнула. Этот бандитом-разбойником при жизни был, душегубством брезговал, но калечил да глумился нередко, вот только от чего покой искал? Я на беснующуюся нежить посмотрела – там, среди них, воров да грабителей полно было, и покоя они не жаждали – крови он хотели, а этот от чего-то не хотел. Странно то, непонятно. На колено опустилась, ко лбу его ладонью призрачной прикоснулась да и застыла, потрясенная. Не был он ни грабителем, ни разбойником! Он стражем был. Да в банду разбойничью, что собиралась на дело желая «куш великий сорвать» затесался, стараясь своим казаться. И с «сотоварищами» вместе в Гиблый яр и двинулся, а вот заради чего не знал, не ведал. И что еще странно – ни семьи его, не прошлого я не увидела, лишь кабинет темный, свечи, что света не давали, да им же сказанное «Понял, все понял, лорд Агнехран». Так выходит и это архимага моего человек?

«Ярина, и его к магам перенеси», – попросила я.

Чаша не упорствовала.

Зато упорствовать решились ведуньи!

Одна кинулась гнилью изводить уносимого мертвого, другая Ярине попыталась дорогу заступить, третья круг на земле чертила, меня вычислить попытавшись. Отбросила их, всех троих, одну за другой – в моей руке клюка Гиблого яра была, на моей стороне стало быть и сила. Да на их стороне численность, от того в бой вступать не стала, себя выдать опасаясь. Оно ж как – я может и сильнее, но не в каждом бою сила побеждает, далеко не в каждом, а у ведуний этих опыта вдесятеро поболее моего было.

Пришлось на ходу выдумывать.

«Ярина, добро сделай, девой, как Леся, прикинься» – попросила я чашу верную.

На свою голову попросила! Потому как Ярина тут же и прикинулась... девой голозадой!
– Вот она! – заорала одна из ведуний.
– Голяком, одежку скинула, со следу сбить нас пытается!
– Видать от силы водяного питается, а как отошла, чары-то и закончились!
– Хватай бесстыжую! – снова первая.

И ринулись они, со всей подконтрольной им нежитью, оставив меня стоять в оторопи. Просто не ожидала я, что они разговаривать могут-то. Да еще и совещаться. И силу мою анализировать. И силу водяного. И... не стала бы я голой по лесу-то разгуливать.

Ну да не об том речь сейчас – все три ведуньи, как одна, ринулись за Яриной, за собой нежить подконтрольную увлекая. Но не вся нежить зову поддалась, больше половины остались грызть-рвать преграду древесную, в жажде неутомимой желая отведать моей плоти. И тут подумалось мне – а хорошо, что я ведунья лесная, меня ни комар, ни муха не тронут, а в ином случае загрызли бы меня там на поляне лежащую комары к ночи злющие, и ничего бы нежити не оставили. И вот это уже обидно было бы, если бы прогрызли эти вот стену-защиту, на полянку ломанулись бы, а там уж всю кровушку высосали...

Но тут рядом со мной возникла Ярина, посмотрела глазами пустыми выразительно и вернулись мы к работе нашей тяжелой и морально и физически. И лишь в одной работе эта проста была – в руках у меня клюка этого леса имела, от того открывались передо мной тропы заповедные, переносилась я по Гиблому яру легко и привольно, да собирала урожай страшный – из чужих тел да жизней урожай.

К рассвету почти управились.

За время то дважды озверевшая нежить чуть на полянку мою не прорвалась, но там Водя и кракены были на страже, отстояли. А один раз аспид рядом был – ощутила прикосновение руки его к щеке моей, да движение скользкое, нежное. До груди скользнуло, платье оттягивая, от чего возмутился водяной, да аспид ему одним словом ответил: «Испепелю!». А больше ничего не сказал, потому что страшного не увидел – оставалась моя грудь как есть, без пятен черной гнили, без последствий обращения к заклинанию некромантскому. И вот тогда вздохнул аспид облегченно, да в мой лес Заповедный и возвратился.

А мы с Яриной почти весь лес обошли-исследовали, весь кроме части центральной, не так там что-то было, уберегло меня от чего-то страшного чутье ведьминское, а потому туда я не сунулась. И чашу Заповедную не пустила, вообще-то без нее поглядеть хотела, да не успела – заря подкралась незаметно.

И когда светать стало, я к западной границе яра перенеслась, а там уж стояли-ждали оторопевшие маги. Все в черно-синем, у всех кожа от мази защитной смуглая, а глаза черной сурьмой подведены. И вот стоят они, две дюжины магические, и глазами своими подведенными, смотрят на тех, кто лежит, с той же на лице защитой, кто лежит и уже никогда не поднимется.

Да стоят в десяти шагах от границы яра, грань предусмотрительно не пересекая, и уж не ведаю от чего – я бы пропустила, Ярина тоже, яр Гиблый силу свою губительную утратил основательно, так что не было для магов ни опасности ни препятствий, а надо же – стоят вежливо, почтительно, границ не нарушают.

Обошла я их, в надежде увидеть Агнехрана. Точно знала, что в толпе, пусть и почти-точно, такой как он стоять не будет – поодаль устроится, орлиным взором за всем происходящим следя и свободу действий сохраняя, но вот прятаться за чужими спинами не станет.

Он и не стал – по кругу дважды магов обошла, те заволновались, почувствовали что-то, но ни магию использовать не стали, ни заклинания, а Агнехрана не нашла я. Если и был где-то, то был не здесь. Остановилась, досадуя, и тут из группы маговой вышел молоденький, тот, что у архимага служил, опустил на колено одно, голову опустил, да и произнес:

– Уважаемая властительница леса, дозвоьте с искренней благодарностью и почтением забрать тела павших магов.

Подошла к нему, чуть склонилась, к главе его склоненной, да и прошептала:

«Бери, пока дают».

Вздрыгнул маг, отшатнулся, не удержался да и рухнул спиной, глаза от испуга расширились, лежит, приподнявшись, как куренок ощипанный.

Не удержалась я, ближе подошла, да и добавила:

«Можно и без почтения с благодарностью».

Данир побледнел, даже не взирая на сурьму, и тут один из магов произнес:

– Чего разлегся? Командующий приказал дожидаться ведунью с почтением.

Ну, не удержалась я. Ну не смогла. К этому надменному, подбоченившемуся подошла, и как шепну у его плеча, просто до уха не добраться было:

«Все, дождались уже!»

Дернулся и этот маг, чуть об Данира не споткнулся, с трудом на ногах удержался, да только удержаться от заклинания ему еще тяжелее было.

– Да чтоб тебя! – выругался еще один маг, которого как раз не поведение коллег до дрожи перепугало, а то что второй чуть пасс магический не совершил. – Собрались. Никакой магии! Никакой я сказал!

И да простит меня Агнехран.

«Вообще никакой? Точно? Уверен? Вообще-вообще нельзя?» – поинтересовалась я у него.

Застыл маг. Лицо немолодое, от того и мази на нем втрое больше, чем у иных, на горле кадык дернулся, на шее амулет засветился, а я... я замерла, стороннее появление ощутив.

– Развлекаешься, ведунья? – насмешливо Агнехран спросил.

Обернулась к нему. Стоит архимаг, глядит с улыбкою, куда глядеть по идее знать не должен, но шаг влево, шаг вправо отслеживает, значит чувствует как-то. Одет по-простому – рубашка белая, на лице ни сурьмы, ни мази, волосы собраны в хвост на затылке, на губах улыбка, да такая, что прикоснуться хочется.

Подошла, прикоснулась, а он и дышать перестал на миг.

«Развлекаюсь, – прошептала ему. – Ночь была тяжелая, от чего не развлечься утром?»

– Да ты и по ночи не скучала, – вздохнул Агнехран тяжело, на меня, хоть и невидимую, поглядел с укоризной. – Ты, госпожа, в следующий раз, когда ведуний померших по фальшивому следу отправишь, предупреди, уж не сочти за труд.

И испугалась я. Отшатнулась. Спросила нервно:

«Маг, знаешь откуда?»

Промолчал Агнехран, только заметила я – уставшим выглядит. А опосля пригляделась – на руке одной рукав застегнут наглухо, а на рукаве том... кровь запекшаяся.

«Охранябушка, – сердце сжалось от предчувствия дурного, – неужто ты в Яр за мной сунулся?!»

– В порядке я, беспокоиться не стоит.

«А тебе значит, беспокоиться можно?!» – вспылила я.

Пожал плечами маг, и хоть уставший, а стоит все так же и улыбается так по-доброму, так счастливо. И смутилась я вдруг. Отступила, да и сказала сконфуженно:

«Павших я твоих к окраине леса принесла».

– Вижу, – и улыбка исчезла его. – Откуда знаешь, что мои?

«Да ты как-то сказал, – я тоже плечами пожала, но не увидел он, конечно».

– Спасибо, – голос его дрогнул, – поклон мой тебе, низкий.

«Тебе спасибо, что подсказал, да научил. И пора мне, Агнехран, время уж. Прощай».

Замер, глаза мигом прищурились, да и сказал маг недобро:

– А вот это плохое слово, Веся. Очень-очень-очень плохое. Не говори его мне. Никогда. Ну, раз просишь:

«Прощай! Прощай! Прощай! Прощай! Прощай! Прощай! Прощай! Прощай! Прощай!»

– Зараза лесовладеющая, – очень тихо сказал маг.

Улыбнулась, к щеке его прикоснулась, он глаза прикрыл, словно действительно чувствуя, а мне... пора было уже мне.

«Сегодня отсыпаться буду, не свидимся. И ты отдохни, уставший совсем, вымотался».

– Отдохну, – прошептал Агнехран.

Скользнули пальцы мои по щеке его, да отступила я в лес, под сень деревьев черной злобой искаженных, и попросила Ярину:

«Павших огороди, нежити то в Гиблом яру что день, что ночь все едино».

И затрещали деревья, заскрежетали корни, что из земли выдергивались, и встали дубы, пусть и искореженные, ствол к стволу, в живой забор полумесяцем вставший обратившись. Маги тут же порталы пооткрывали да и принялись павших своих прочь уносить. И стоял Агнехран, руки сильные на груди сложены, глаза внимательные за транспортировкой каждого тела следят пристально, лицо невозмутимое и отстраненное, а вот в глазах... в глазах боль да скорбь страшные. Видать знал он, знал каждого мага, что в Гиблом яру погибли, всех он знал.

И не смогла я уйти, вернулась к нему, обняла со спины, крепко-крепко, как могла моя бестелесная оболочка, да и прошептала:

«Все пройдет, Агнехран, и боль пройдет, и скорбь. Ты не терзай себя так, не твоя это вина, и не твоя ошибка».

И ответа не дожидаясь, отступила, клюкой оземь ударила, и перенеслась аккуратно на полянку свою.

Туда перенеслась я, где лежало тело мое в платье свадебном, да сидел рядом Водя, сидел, за руку крепко держа, в лицо с тревогой вглядываясь. Не упустила своего шанса и тут.

Подошла, шепнула:

«Все, тучочки я».

Просиял улыбкой полной облегчения водяной, а я клюку в руку свою же вернула, и с ней в тело вернулась сама.

Глаза распахнула – аккуратно вовремя вернулась я, солнечный свет уж почти тела моего достиг. А еще спина затекла, и шея, и хорошо что аспид обо мне позаботился, на земле лежать не оставил – сырая она, земля-то, у воды ведь у самой.

– Весь, встать сможешь-то? – спросил Водя.

– Не, – ответила весело.

– А сесть?

– Не.

– А не издеваться и сразу сказать, где и что болит?

– Тоже «не», – настроение у меня поутру было превосходное.

И тут рядом вспыхнул круг алхимический, из него вышел аспид, мрачно да недобро на Водю глянул, ко мне подошел, наклонился, на руки подхватил, и в алхимический круг свой вернулся – я и сказать ничего не успела.

А когда перенеслись мы – и говорить не стала. Аспид меня аккуратно в баньку перенес, та уже растопленная стояла, да с водой теплой, как была в платье так в ту воду и опустил. Выпрямился, на меня поглядел устало, да и сказал:

– Тихона с едой пришлю. Платье твое, ведунья, как я понимаю просто так не снять, так что чашу зови. Рад, что помощь ни моя, ни лешего с водяным не понадобилась. Отогревайся и спи. У меня дела есть, к ночи вернусь.

Поглядела в спину его уходящего, да как ушел, позвала вовсе не чашу, а друга верного да сотоварища надежного. Леший явился тут же, платье снять помог, да посидел рядом, пока я в воде теплой отогревалась. Молча сидел, и по глазам видно – говорить ничего не хочет... а поговорить придется.

– Навкара, – проскрежетал лешенька.

И мы еще помолчали. Навкара это было страшно.

– Чую я, в Гиблом яру не только ведуньи мертвые обретаются, а и кое-что пострашнее есть.

– Есть, – согласилась я грустно, – где-то посередке леса, чуть ближе к западу, есть что-то. И придется узнать что.

– Сама не лезь, – предупредил леший.

– Самой и не хочется, – честно призналась я.

– Может аспида отправим? – вдруг предложил друг верный.

Я на него посмотрела, он на меня, и оба тяжело вздохнули. Не отправим мы аспида, потому что это наше дело, как есть наше, мы теперь за Гиблый яр в ответе, вот нам и отвечать.

– И ведь жили-то как жили, хорошо, спокойно, без волнений, – высказал лешинька.

Но мы оба знали – взяться за Гиблый яр было решением правильным. Очень правильным. Ведь пока жива была Ярина, лес еще кое-как но силу сохранял, а вот коли и она пала бы под действием скверны... рано или поздно отравлена была бы река, а значит и Водя и все его владения, а опосля скверна добралась бы и до нас...

– В Гиблом яру работы много, – сказала я.

– Леший нужен, – подтвердил мой леший, и добавил, – я справлюсь.

Я на него снова поглядела, и скрывать не стала, правду сказала:

– Пока там хозяйка твоя прежняя, нельзя тебе в Гиблый яр.

Заскрежетав, пожал плечами мой лешинька, и ответил:

– Отболело уже, Веся, да и облик человеческий я утратил – нет у нее более силы надо мной, а вот тебе моя сила сейчас позарез нужна, сама ты в Гиблом яру не справишься и о том ведаешь.

– Обдумать нужно все, – помолчав, решила я. – Навкару создать непросто – а кто-то создал. В яру заповедном создать область, для лесной ведуньи не ощутимую крайне непросто – но кто-то создал. Тут думать нужно. То, что во врагах у нас чародей один это дело понятное. То, что ведьмы-изменницы есть – тоже ясно. А вот как давно это есть?

– И сколько навкар у них? – добавил к моим вопросам свой лешенька. – И только ли навкары?

А вот это уже совсем страшный вопрос.

– Чего побледнела? – спросил леший. – На территорию леса Заповедного ни одна навкара не проникнет, чашу уж проинформировал, да она и сама с такой напастью справилась бы.

– На территорию леса – нет, не проникнет, – согласилась я, – вот только вокруг леса деревеньки человеческие, лешинька, а одна навкара всю деревню за ночь вырезать вполне может.

Нахмурился леший, насупился. Да, будь я ведуньей простой я бы о таком и не подумала, но я ведьма, мне за людей тревожно тоже.

– Поднимайся из воды, отнесу в бор сосновый, – сказал леший, и сам поднялся. – Вечер нынче утра мудренее будет, так что вечером поговорим.

Тут он прав был, полностью прав.

Наспех поев после теплой бани, я покинула избу в обнимку с одеялом, и вскоре практически спала, едва устроилась на теплой хвое Соснового бора. Наверное, только здесь поняла, насколько сильно устала, но это было только начало. Совсем начало. Рядом со мной лежали две клюки, леший обе оставил, берегся, и вот теперь они присматривались друг к другу, и тянулись одна к другой. Тонкая, светлая моя клюка, в которой силы было так много, и большая широкая черная клюка яра Гиблого, в которой силы еще только просыпались. Со временем, я уже знала, они станут равными – станут отражением меня и будут обе тонкие, но крепкие, способные гнуться, но не ломаться, скрывающие потенциал, но готовые принять любой вызов судьбы. Одно их от меня отличало – рыдать не будут, и больно им не будет тоже.

Не люблю сны. И есть за что не любить – все они почему-то о прошлом. О том прошлом, которое уже не вернешь, не возвратишь, и которое возвращать не хочется вовсе.

Огромный бордовый зал, алые спинки кресел, лепнина в позолоте, сцена, ярко освещенная, и тонкая девичья фигурка, в сковавшем ее стан черном платье, приковывает взгляды к себе трагедией, что всем была известна.

Ее звали Оливия Андерас. Прима оперного театра. Ее голос завораживал, ее талант признавали даже критики, а ее жизнь была уничтожена. Уже тогда была уничтожена, но о второй трагедии в тот вечер еще никто не знал.

«В миг, когда накроет,
Мрак небытия,
Старый черный ворон,
Пропоет «Беда».
В миг, когда иссякнет,
Жизни тихий свет,
Для меня настанет,
Сумрачный рассвет.
Но когда рассудком,
Завладеет ночь,
Помни – я любила,
Но не смогла помочь».

Я не была единственной ведьмой в опере в тот жуткий вечер, с нами, Тихомиром и Кевин, пошли еще две ученицы и две преподавательницы школы Славастены. И чудовищное предзнаменование почувствовали мы все. Одна из наставниц мгновенно поднялась, и покинула нас, в спешке вызывая магов. Вторая достала серебряное блюдо, связалась со Славастеной и та приказала Тиромиру немедленно покинуть концерт. Мы, ведьмы, почувствовали неладное, у магов такого предчувствия не было, и единственным, что заставило Тихомира послушать мать была я. Я его, откровенно забавлявшегося нашей нервозностью и страхом, просто взяла за руку и повела за собой – мне он не отказывал никогда. И потому, когда я, едва выйдя из отдельной ложи, практически побежала по лестнице вниз, Тиромир бросился за мной, встревоженный моей тревогой. Наша наставница внизу тем временем уговаривала стражу вызвать магов немедленно, но те едва ли послушались ее. Зато им пришлось подчиниться Тиромиру. Магов вызвали, но первым в оперный театр прибыл Ингеборг – его Славастена вызвала.

Нас отправили в экипаж, а Ингеборг, Кевин и Тиромир бросились в зал.

Наутро в газетах впервые появилось страшное слово «Навкара». Более двадцати погибших, сотни раненных, но лишь благодаря Ингеборгу и Тиромиру эти сотни остались живы. Исключительно благодаря им. Король объявил благодарность обоим, их награждение прошло в королевском дворце и широко обсуждалось в прессе, а я читала все заметки Кевину, лежащему в магическом госпитале, и с тревогой присматривалась к его поведению. В палате дежурило двое магов, на шее Кевина угрожающе темнел серебряный ошейник, но он скрывал то, что

выглядело еще угрожающее – разорванное горло. Первым, на кого напала навкара был Кевин, его отправили отвлечь нежить на то время, пока Тиромир и Ингеборг спасали людей. И Кевин отвлек как смог, а смог лишь собой.

Я как-то в шутку спросила тогда, почему она его не убила, как остальных, а Кевин серьезно посмотрел на меня и ответил, что навкара любила и не смогла убить того, кто знает, что такое настоящая любовь. Тогда я не поняла, о чем он. Тогда я ничего не поняла. Для меня все было как и всегда – Тиромир получил славу, а мы с Кевином отделались госпиталем. А певица – всем было известно, что она потеряла любимого за несколько дней до свадьбы и безумно горевала о нем, но я не понимала, как горе может обратить кого-либо в нежить. Тогда я не понимала многого...

Внезапно к моей ладони прикоснулось что-то теплое.

Я вздрогнула, вырвалась из западни кошмара и перешла в обычный сон лесной ведуньи. Замерла на миг у своего тела, увидев, что возле меня, кое-как прикрывшись тонким плащом спит аспид, который, похоже, просто рухнул от усталости. Вспомнила, как он обо мне заботился, чтобы я не замерзла, используя магию прикрыла его частью своего одеяла и отправилась свой лес проверять – война войной, а хозяйство лесное дело безалаберности не допускающее.

Мы с лешим встретились у новой яблочной рощи – постояли, посмотрели, обсудили перспективы роста, а дальше я к болотникам отправилась, он ловить Острого клыка. Набедокурил кабан, основательно набедокурил – и главное умник какой, к клыкам привязал дополнительные, чтобы мы его по следам на коре не вычислили, а по саду частично полз, чтобы следов от копыт не оставлять. Изобретатель треклятый! Одного не учел – в лесу завсегда глаза есть, и птицы все видели! Так что отдам волкам! Как есть отдам!

У болотников застала картину интересную – Рудина общее собрание проводила. Ну как собрание... на болотников она орала как не в себя. От криков ее трава пригибалась, а болотники ничего – сидели насупившиеся, но прямо сидели.

– Если вы, без меня, еще хоть раз! Хоть один единственный раз, хоть на пиявку наступите! Если еще раз...

Негодовала Рудина. Оно ж как – по обычаю у болотников правят мужчины, а женщины у них дому хозяйки, топи родной хранительницы, детей вырастательницы. Так что воюют и правят у них мужики, это да. Но Рудина мне сразу понравилась – опытная, мудрая, на рожон не лезет, русалкам жизнь не портит, русалов не травит, людей от болот своих прогоняет не глумясь, не калеча, так что назначила я Рудиной главной. Не всем это по нраву пришлось, но я ведунья лесная, мне перечить не каждый решится и к порядку такому быстро все привыкли. Но тут новые болотники пришли, они по-старому жить хотели, а я того не заметила, что у водяного на собрании одни мужики были. А заметить следовало бы.

– Ироды! – не унималась Рудина. – Головы своей на плечах нет? Ведунью мне чуть не сгубили, чтоб вам пиявки гнилые во причинное место впились, да не отпускали! Чтоб вам топь русалы прочистили! Чтоб...

Тут один из болотников не сдержался, да и вскочил, от ярости багровея.

Пришлось вмешаться.

«Охолонись», – прошептала у самого его уха.

Болотник сел, побледнев заметно.

А Рудина поняла все, голову склонила в знак приветствия, да вопрос задала тут же:

– По-добру, по-здорову ли проживаешь, хозяйка лесная?

Спросить спросила вроде как невзначай, а глаза болотно-зеленые тревогой отравлены. Подлетела к ней, молвила шелестом травы:

– Хорошо все, Рудина, за заботу благодарствую.

Вздохнула болотница, и вот в другом случае промолчала бы, а тут вдруг взяла и сказала:

– Ведунья, ту навкару по твою честь отправили, и кто его ведает сколько еще отправят... побереги себя, не покидай лес Заповедный, жизнью своей прошу, не покидай.

Оторопела я, призадумалась, да и поняла откуда Рудине про навкару-то известно стало.

– Русалы?! – спросила грозно.

– Русалы, – сдала доносчиков болотница.

Эти русалы, они русалок хуже!

– Хорошо все со мной! – а сама стою думаю, как теперь сделать, чтобы у русалов этого «хорошо» не было, и чтобы язык свой впредь не распускали.

А Рудина не сдастся.

– На закате, у избы ждать буду, – произнесла она, глаз от земли не поднимая.

Вот значит как, значит от просьбы своей не отступится, значит разговор мне предстоит не самый приятственный. А раз так, то:

– Не трудись, лешего к тебе пришлю, – сказала я.

Рудина взгляд то быстренько подняла, в пространство лесное поглядела, да и молвила словно бы невзначай:

– С лешим уже говорила.

Ах вот оно как.

– Тады аспида, – решила внезапно.

Побледнела болотница, притихли болотники, и даже птицы петь стали тише. А все почему? А потому что аспид это сила!

И тут увидела я стайку детей, мчавшихся по низине – впереди старшой сын Саврана, за ним, почти вровень-вровень русал златоволосый, да в одежде болотно-зеленой, то есть в болотников одеянии, догонял их уже натуральный болотник – пацан несколько кряжистый, не такой верткий и быстрый как первые два бегуна, но упорный – не сдавался, губы поджал и мчал как мог, на одном только беге и сосредоточившись, ничего иного вокруг не замечая. Забавная компания.

И вдруг Саврана-сын руку вскинул и крикнул:

– Здравия вам, госпожа матушка лесная!

От удивления оторопела я, споткнулся и полетел кубарем русал, свалив по пути и мальчика, но вот болотник – болотник упорно мчался вперед, и домчавшись до первого дерева коснулся его рукой и заорал: «Победа!».

Мы все похлопали, даже я, хотя меня вообще никто видеть не мог. Действительно победа. Действительно достойная.

– Упорный, – задумчиво произнесла Рудина, – целенаправленный. В ученики возьму.

Один из болотников слегка покраснел от удовольствия и сообщил:

– Мой сын!

С уважением поглядела на него Рудина, голову русую склонила почтительно, а я в очередной раз подумала – ну до чего ж умная женщина-то. Весь конфликт с пришлыми болотниками разрешила сразу, одним только решением взять в ученики, а значит и возможно в будущие преемники сына одного из старейшин. Причем достойного сына, действительно заслуживающего внимания.

А для меня внимания заслуживал другой момент – сын Саврана. Все понимаю, мальчишка с болотниками да русалами сдружился, и теперь слегка и иной мир видеть может, мир нечисти, вот только – никакая нечисть сейчас увидеть меня не могла. А он, выходит, может? И ведь подобное просто невероятно, но вот он встает, коленки от травинки налипших отряхивает, на меня глядит с интересом, но и с уважением – прямо не глядит, украдкой только. Не удержалась – поманила пальцем. И мальчик пошел. Посерьезнел сразу, волосы рукой пригладил, шаг изменил, невольно Саврану-купцу подражая, да подошел прямо ко мне. Я руку протянула, он рученку свою в мою ладонь засунул уверенно – значит видит. Все видит. Странно-то как.

– Прощевай, Рудина, – не отрывая взгляда от мальчика сказала я, и мстительно напомнила, – на закате у избы жду.

С аспидом жду, естественно. Тоже мне, учить они меня жизни решили всем лесом! Пусть сначала аспида поучат.

Мы с мальчиком шли в лес, я вела его прямым к домику рыбацкому, в котором нынче обреталась семья Саврана-купца, но поговорить собиралась до того, дойдем. Ну чтобы и ребенку спокойнее было, что мама с папой недалеко, и чтобы не пугать Саврана с Ульяной понапрасну. И тут вдруг поняла, что имени то мальчика не знаю. Помню, что маленького самого зовут Митя, девочку Луныша, а этот кто?

– Послушай, а звать тебя как? – прямо спросила.

– Ннникола, – ребенок пытался выглядеть взрослым не по годам, но я его за ручку вела как маленького, вот он сконфузился.

– Никола, – повторила я, – красивое имя.

– Это ты красивая, матушка лесная хозяйка, – вдруг заявил малец.

Остановилась, на него посмотрела, да и поинтересовалась:

– А какой видишь меня?

Оглядел с головы до ног, так словно на самом деле видел, да и сказал:

– Росту вы пониже батки мого, косы с рыжиной, лицо смешливое, с веснушками, глаза токмо различить не могу, то ли синие, то ли зеленые, как у болотников.

Задумалась я. Что-то здесь было совсем не так. Мальчик описал меня, да, но кое-что не сходилось – не было у меня кос сейчас, волосы были мокрыми после купания, подсушила кое-как полотенцем, да и спать улеглась.

– А платье? – спросила осторожно.

– Зеленый сарафан у вас, хозяйка, а не платье! – радостно воскликнул Никола.

Так, а вот это уже интересно – в ночной рубашке я была. Белой, длинной, льняной, свободной.

А ребенок продолжил посерьезнев:

– Я сын купеческий, товар должен знать завсегда, а потому точно отличу платье от сарафана-то. Сарафан это сарафан, под него надобно вот как у вас рубашка с вышивкой, и такая, чтобы вышиванка с вышивкой на сарафане один к одному, чтобы была эта... ну как ее... гармоника!

Я улыбнулась. Сказал, конечно, с ошибкой, но звучало забавно. А вот ситуация забавной была ли – этого я пока не знала.

– Так, – огляделась я, заприметила пенек неподалеку, замшелый уж давно, на него указала и спросила, – а тут что видишь?

Никола в указанном направлении поглядел. Лоб нахмурил, глазки прищурил, ноги поставил на ширину плеч – прямо как папка его, когда о чем-то крепко призадумается.

– Пенек там, – сказал медленно, – а было дерево, на нем ленточка висела... Красная.

И как стояла я... так и стоять осталась.

Потому что было там некогда дерево, и вот на нем да, ленточка висела красная... А дело тут вот в чем – до меня не было в этом лесу ведуньи, от того спала чаща Заповедная, как пес сторожевой всех впуская и никого не выпуская, потому девицы, что в лес забредали по-глупости и в поисках наживы нехитрой, грибов там или ягод, чтобы не заплутать вязали на ветвях красные ленточки, путь свой обозначая. На этом дереве вязали особенно усердно, потому как дальше шли низины и болота, а там и кикиморы, и болотницы и прочая нечисть, туда ходить завсегда было опасно. А опосля, уже когда я появилась, мы с лучшим судьбу этого дерева были вынуждены решить в пользу вырубания – молния в него попала, а я тогда еще лечить деревья не могла. Опять же рядом ива росла раскидистая, древняя и дополнительного

солнца достойная, в общем срубил леший это дерево. Пенек остался, лесовиков и домового моего поганками радуя, и забыла я об этом дереве, напрочь забыла, а сейчас вот... вспомнила.

– Послушай-ка, Никола, – я оглянулась, на домик видимый отсюда поглядела, – и давно ты видишь то, чего нет?

– Не-а, – он даже головой помахал, так что вихры взметнулись, – вот когда вы, хозяйка лесная сто лет вам здоровьица, водой напоили, тогда и начал видеть. Но не все.

То, что видит не все это я уже поняла – дерево, что девицы в качестве путевого использовали, он увидел, а то что рядом с ним было, да сгорело от той же молнии, нет, не приметил.

– Что ж, пора мне, – сказала задумчиво, – а ты, Никола, к мамке беги, ей небось помощь нужна.

– Нужна! – радостно подтвердил мальчишка. – Токмо мамка сказала, что мне отдыхать надобно, и гулять на болото отправила. Даже Луняшку дома оставила, чтоб набегался я, нагулялся. Побегал я, как полдень наступит, тогда домой.

Какая хорошая мама. Сама, небось, света белого не видит с мальцом, Луняшей и домом разбираясь, а сына все равно гулять отпустила. Хорошая Ульяна, справная. Вот только какая баба запросто так дитятко к болотникам да русалам отпустит?

В избу я скользнула тенью незримою, да и застала самый разгар дел хозяйственных – сидела Луняша на лавке, качала люльку, в ней спал смешно посапывая Митятка, а Ульяна носилась по избе как носится только хорошая хозяйка – от плиты, до белья, что стирала усердно. В печи горячей подходил хлеб, вот его проведать Ульяна и бегала, на плите кипела уха, чуть подальше кислое молоко грелось, видать для творога печного, по-особенному вкусного.

Я руку подняла, мягко свет магический призвала. Не маг не увидал бы. Вот и Ульяна не увидела, пробежала обратно к белью, его до кипенно-белого цвета уж отстирала, даже я позавидовала.

Постояла, подумала, снова руку протянула да призвала свет зеленый. Его любая ведьма увидала бы. Но Ульяна лишь на детей оглянулась, да и снова принялась стирать-мять белье постельное. Значит не ведьма.

И тут вдруг Луняша возьми да и скажи:

– Мамка, а тут тетя лесная ведунья?

– Где?! – Ульяна мгновенно развернулась.

И от движения ее резкого опрокинулась бадья с водой и стиркой, Уля его подхватила как могла, но табурет рухнул с грохотом, проснулся и заревел обиженно Митятка. Вздохнула я, подлетела к люльке, взяла малыша, и, баюкая, сказала Луняше:

– И как, давно меня приметил?

Жена Саврана, опустив бадью на пол, повернулась – встревоженная, бледная, напряженная.

– Не-а, – сказала Луняша, наконец, избавившись от необходимости укачивать брата, и потому сунув куклу соломенную в люльку, начала уже играть с удовольствием, – токмо когда ты огонь зажгла синий.

Маг! Даже не ведьма, а маг!

– Ульяна, – Митяй у меня на руках сразу орать перестал, и теперь лежал, прислушивался к моему голосу, который словно из лесу доносился, – а кто у тебя отец был? Уж прости за вопрос личный.

Побледнела жена Саврана втрое сильнее прежнего, да на Луняшу кинула взгляд встревоженный. Что ж, понимаю, при девочке о таком не скажешь, да и не стоит.

– А идем, у реки посидим, – предложила я. – Да и белье поласкать пора, отстирала уж ты его, даже мне на зависть.

– А... а вы что, стирать так не можете? – сиплым шепотом спросила Ульяна.

– К сожалению – нет, – была вынуждена признать я.

И первая покинула избу.

Митяй, высвободив ручонки из пеленок, забавлялся тем что пытался ухватить мои волосы, только я тут была бестелесной, от того и поймать не мог. Но видел. Даже вот такой крошечный уже видел. Зажгла светлячка синего – попытался поймать. Значит маг. Тоже маг.

Ульяна догнала уже у самой реки, я сидела на берегу, удерживая Митяя, и листочек подкидывая, который он ловил и отпускал, залиvisto смеясь. Хорошенький такой, забавный, славный, так и хочется покрепче прижать... И что это нашло на меня?

– Мамка не говорила, – Ульяна тяжело опустилась рядом, устала видать совсем, оно и не удивительно, я бы вообще уже с ног свалилась. – Но соседка, баба Рута как-то обмолвилась, что папка в карты и мамку проиграл, и счастье свое.

Посидела, тяжело дыша и на реку глядя, да и продолжила:

– Мамка тятю из дому прогнала, опосля и узнала что тяжелая была. Мной тяжелая. Да окромя меня у ней с тяткой еще трое были, а все равно вот прогнала. Так сами и жили. Тяжело жили. Совсем тяжело. Ну да ничего, всех подняла мамка, у всех судьба сложилась. Померла она, когда у меня Никола родился, в тот год.

И замолчала Ульяна.

Она замолчала, а мне слов и не требовалось более. Поняла я, от чего Николу гулять пускает – у самой детства не было, вот и старается, чтобы хоть у детей было. Изю всех сил старается. И сдается мне когда за Саврана замуж пошла в семью хорошую попала – у Горда-кузнеца и жена под стать ему была, добрая да понимающая, невестку она точно от работы берегла да во всем помогала. А теперь вот нету ни Горда ни жены его... Да, страшную беду Савран в свою семью принес, очень страшную... и вот все, что от семьи и осталось.

Митяйка, извернувшись листочек хватанул и как все малыцы тут же в рот засунуть попытался – отобрала скоренько, он давай реветь. Я огненный синий листочек создала – мигом про горе-печаль забыл, и давай пытаться огненный листочек поймать. А Ульяна смотрела и понять не могла, что же это такое малыш видит, от чего смехом заливается, но как и я улыбнулась невольно.

– Отец твой был магом, – сказала ей.

И тут же исчезла улыбка с лица женского.

– И Никола, и Луняша и Митяй в себе тоже дар магический имеют, – продолжила с новостями не радостными. – Дар спал, но это Заповедный лес, и изведав воды магической, дар проснулся.

Сжалась Ульяна, и прошептала губами побледневшими:

– Так воду ту и я пила, госпожа лесная ведунья.

– Ты – дочь, – тихо сказала я, – была бы сыном – дар был бы, слабый, но был. А вот у Луняши дар есть. И не слабый.

И такая бледная Ульяна сделалась, что я уж думала сознание сейчас потеряет, но усидела, только дышала тяжело, все пытаюсь понять.

– То, что проиграл свою жену тот, кого тятей зовешь, не удивительно. Кто с магами в карты играть сядет, тот завсегда проиграет, – продолжила я.

Не стала добавлять, что проигрывают магам все, кроме ведьм. Ведьмы выигрывают! Даже у вампиров запросто выигрывают, особенно когда выпьют, ну да не суть.

– А мать твоя гордая, за подлость такую мужа не простила, вот только гордость порой злом оборачивается.

Митяй умудрился почти достать огненный листочек и я его тут же обычным заменила, и теперь ручонки придерживала, чтобы опять лист в рот не потянул.

– Почему злом? – тихо спросила Ульяна.

– Потому что жизнь – штука сложная, – я листик отобрала, снова в воздухе держать начала, а Митяй старательно достать пытался и ручками и уже ножками тоже. – Она из гордости и себя и вас на жизнь трудную обрекла. Ты, Ульяна, сейчас сама из сил выбиваешься, но Николу пустила гулять, потому что на своей шкуре извела что такое работа от зари до зари, и как это горько, когда на улице дети резвятся веселятся.

Опустила голову жена Саврана, в глазах слезы. Ох, жалко ее так, и себя жалко – я тоже знала, что такое работать головы не поднимая, и слышать как детвора бежит только из-за стен сарая, где навоз убираешь два раза в день в любую погоду. Горько это, и обидно, и тяжело.

– Да это дело прошлое, – и себе и ей сказала, – а ныне тебе вот о чем знать надобно – чем дольше вы в лесу Заповедном живете, тем сильнее у детей дар будет. И коли сейчас уедете – они лишь видеть смогут то, что простым людям неизвестно, а вот если дольше пробудете...

И я листочек с расстояния вытянутой руки выпустила. Ветер его подхватил, да чуть к реке не унес, но Митяйка вывернулся, и вот ручкой достать не мог, а магией сумел. Схватил листочек, к себе притянул, ладошкой перехватил и сразу в рот! Насилу отнял.

– А если останетесь, будет вот так, – тихо предупредила я.

Сидела Ульяна, не дышала почти.

– С Савраном поговори, обсудите все. Я никого не гоню и вам завсегда рада, но дар магический, его, при желании, развить всегда можно, а вот скрыть уже усиленный – никак. И коли сейчас уйдете, смогут дети стать кем захотят – купцом ли, кузнецом, мастеровым, кем угодно. А коли магия в них усилится – только магами, но это сыновья, Ульяна, а для девочки один путь – женой станет, того кто заплатит больше.

– А я никаких денег не приму! – мгновенно высказала женщина.

Подбросила я Митятку, к себе прижала на миг, да и отдав жене Саврана, сказала как есть:

– А их и не тебе заплатят, Ульяна. Девочек с даром магическим у родителей забирают навсегда. Растят их отдельно, от всех оберегая, от любого взгляда, а как кровь первая прольется – вот тогда продают. Какой маг больше золота даст, тот и получит. Думай, Ульяна, думай.

И оставив растерянную мать думать о судьбе своих детей, я помчалась прочь, но перед тем как улететь, заглянула к Луныше – а та играла. В меня играла. Сидела она перед ведром воды, что мать для стирки белья перенесла, ручки над ним простерла, шляпу нелепую (и где только нашла) на голове поправила и вещает голосом страшным: «Пить будете, а кто не будет, того заставлю!». Надо же, какая я со стороны то грозная, даже возгордилась слегка.

Проснулась я после полудня, потому что устала как последняя собака. В лесу дел накопилось видимо-невидимо, даже леший с ног сбился, что уж обо мне говорить. И в какой-то момент, выслушивая очередную недовольную соседством сойку, я поняла, что не могу больше. Ну не могу и все тут! Поэтому проснулась.

Лежу, понимаю, что тепло мне и удобно.

Открыла глаза, приподнялась на локте и поняла, что спала я на аспиде. Уж как так вышло не ведаю, да только он на земле, я на нем частично, голова у него на впадине между плечом и шеей уютно устроилась, а рука давно поперек тела аспидова перекинута. И удобно же. Проснулась и не болит ничего, не затекло нигде, а главное – тепло.

А аспид спал. Лицо черно-угольное матовое и во сне суровый вид сохраняло... если я, конечно, разглядела суровость то, и от этой суровости от чего-то защемило в груди, особенно когда Митятку вспомнила. И я вдруг только сейчас подумала, как же это здорово иметь детей. Растить их, улыбаться первой улыбке, наблюдать за первыми шагами, радоваться их радости и делать все для того, чтобы их детство было в сто раз счастливее твоего. Никогда о детях не думала, но узнав историю Ульяны, подержав на руках Митяя, да глядя на спящего сейчас аспиды – почему-то подумала. Почему-то представила. Нет, не черно-угольных как аспид, а в прочем никто больше мне не предлагал ребеночка завести. Ну никто кроме Леси – та завсегда

рада помочь с обретением мною ребеночка, и мужика если надо притащит, и даже ребенка, если от мужика я откажусь вдруг.

И вот помяни лихо...

Леся явилась откуда не ждали. Из-за аспиды выглянула. Так как если бы тоже лежала рядом, но по ту сторону Аедана. И вот выглянула она из-за его плеча, одобрительно так выглянула, и уж собиралась сказать что-то, да я опередила мрачным:

– Изыди.

Леся рот было открыла, словно ей для ответа рот был нужен, но тут сонный аспид возьми да и скажи неразборчиво:

– Никогда... Никогда не уйду... Хоть гони, хоть проклинай, хоть убей... никогда я от тебя не уйду... ты жизнь моя, а без тебя, Веся, жизни мне нет...

И дальше спит, а я как лежала, вот как лежала, так и посмотрела на Лесю испуганно. Леся на меня возмущенно. Опосля лиану протянула, листочком прикоснулась да и передала:

«Да что ж это деется? Жизнь значит его! А где моя жизнь?! Где мои дети?! Почему спим? Почему продолжением рода не занимаемся? Что за самцы пошли человеческие? Одни занимаются делом нужным да не продуктивно совсем, другие только говорить и горазды! Где детеныши?! Где мои...»

Высказаться в полной мере ей не удалось, я руку от ростка отодвинула, прерывая чашу мою Заповедную на полуслове практически. И Леся обиделась. Насупилась вся, и выдала:

«Ну и не буду говорить! Ничего не скажу! И про навкару тоже ни полслова!»

И я замерла.

– Навкару? – голос дрогнул.

Тут же вздрогнул и открыл глаза аспид. Первым делом меня к себе прижал хозяйственно, опосля на чашу глянул и спросил хриплым ото сна голосом:

– Где навкара?

Но Леся уже обиделась. Села, руки на груди сложила обиженно, и отвернулась, всем своим видом демонстрируя насколько сильно обиделась. Ну да нее вскоре стало – Ярина появилась. В первую очередь на нас с аспидом воззрилась с умилением, затем одеялко на нас поправила, чтобы значится мы делом там уже под ним занялись хоть когда-нибудь. Но мы молча взирали на чашу и чаще пришлось признать, что никакого процесса не будет, а потому Ярина четко как страж на службе сообщила мне:

«Две навкары, из глубины яра пришли, как на территории оказались мне неведомо, куда ушли знаю»

«Конечно, знаешь, – фыркнула Леся, – у меня они. Обе. А вот кто пропустил их до моего леса Заповедного, это уже вопрос...»

– Леся, не вредничай, – я села, руками колени обхватила. – Не хуже меня знаешь – Ярина сейчас супротив нежити с трудом устоит, а для навкары она не соперник, особенно для двух.

Зловредина моя заповедная лишь снова обиженно отвернулась.

А затем возьми и скажи:

«Не заделаете мне дитяtko, я их на деревню спущу! Ту самую, близ Западенок, где за целый год ни одного дитенка не народилось! Я считала. Ни одного!»

– Леся! – я уж чуть не взвыла.

Близ Западенок не было деревни, были рудокопы одни, без жен и детей, откуда ж там взяться дитяткам?!

«Все равно спущу! Чтоб знали!»

– Если спустишь, знать что-либо уже будет некому! – разозлилась я.

Леся окончательно расстроилась, и изобразила клетку из листьев, да двух птишек внутри.

– Вот там и держи! – приказала я.

Пожав плечами, Леся демонстративно отвернулась, но... паразитка размножительно ориентированная, так чтобы я не видела, взяла и как начала аспиду всяческие картинки размножительно ориентированные демонстрировать.

– Леся!!! – голос мой на визг сорвался.

А аспид приобнял, меня причем, и спокойно так чаще и сообщил:

– Крепко запомни, чаща Заповедная, для дел подобных перво-наперво одиночество требуется. Чтобы не мешал никто, не отвлекал, не беспокоил...

Вскинулась чаща, с Яриной переглянулась и тут же исчезли обе! Разом исчезли! Вмиг! И если бы только они – внезапно все исчезать начали. Мышки-полевки, что в хвое шуршали, птицы певчие, да и те, что не пели, жучки и комары и те исчезать начали. И пары минут не прошло, как вокруг тишина такая воцарилась, что слышно мне стало как я сама же и дышу.

А еще неуютно мне стало – аспид же рядом был, и рукой все так же обнимал, и хуже того – отпускать похоже не собирался.

– Спим дальше? – спросил голосом ото сна хриплым.

А я слова его вспомнила, что сказал спросонья: «Никогда... Никогда не уйду... Хоть гони, хоть проклинай, хоть убей... никогда я от тебя не уйду... ты жизнь моя, а без тебя, Веся, жизни мне нет...» И жутко мне стало. И не по себе. И как-то спать уже вообще не хотелось. И...

И отодвинулась я осторожненько – аспид не держал. Поднялась – тоже не держал. Стою – все так же не держит, только смотрит пристально, так пристально, что мороз по коже, и рухнула я обратно. Не то чтобы к нему и под одеяло, а рядом и на хвою. Села, руки на груди сложила, вдаль поглядела, в которой ни жучка ни паучка, вообще никого не осталось, и правду сказала:

– Господин Аедан, я тебя не люблю, и никогда не полюблю.

Пожал плечами могучими аспид, устроился поудобнее, руки за голову закинул, в замок сцепил, ногу на ногу тоже закинул, полежал, да и так сказал:

– Никогда не говори никогда.

А между прочим возле меня клюка лежала, я, между прочим, и треснуть клюкой могу.

– К тому же, – невозмутимо продолжил аспид, сделав вид, что моего выразительного взгляда на клюку не заметил, – чтобы ребенка сотворить, любовь не требуется.

Точно тресну!

– Ну и чего же ты гневаешься? – усмехнулся насмешливо, зубы белые сверкнули на черно-угольном лице. – Ты же ведунья лесная, о том, как дети получаются, все ведаешь.

Ведаю, это точно. Я вообще много чего ведаю, особенно по поводу детей.

– Послушай, аспидушка... – начала было я.

И вдруг подумала – а стоит ли правду говорить? Аспид на дело ратное ради ребенка подписался. Уж не знаю от чего так, может племя размножаться исключительно в каких-то определенных условиях способно, а может им для размножения исключительно ведуньи лесные нужны, кто их, аспидов, ведает? Я не ведала. А воля моя была бы, так вообще и не встречалась бы с народом огненным. Но речь о ребенке мне вдруг Митятку напомнила. Как улыбался беззубо, и от того в ответ улыбнуться хотелось, как смеялся заливисто, листочек ухватить пытаюсь, как...

Как мечтала я когда-то о детях, наших с Тиромиром детей. Тогда мне хотелось мальчика светловолосого, как Тиромир, и девочку такую же, чтобы в кудряшках солнечный свет терялся золотом растворяясь... А сейчас вот о ребеночке подумала и поняла – я тогда только мечтала, а сейчас чуть ли не наяву себе представила ребятенка синеглазого, такого чтобы глаза как летнее небо перед грозой, и темноволосого...

– От чего побледнела, Веся? – напряженно спросил аспид.

От того что не будет у меня ребеночка. Никогда не будет! Прошла моя весна. Миновала. Осыпалась, как первые цветы на яблоньке если поздней весной мороз ударит. По моей весне мороз и ударил. Стужа по ней прошла, да и погибло все, не распустившись.

– Ведунья.

Пугающе голос аспида прозвучал, ну да меня таким не испугаешь.

– О детях подумала, – отозвалась отрешенно. – Скажи мне, Аедан, ты же с магами много дел имеешь, правильно понимаю?

Аспид вновь улегся на одеяло, плечом повел, да и ответил:

– Веся, ты уже давно догадалась, что я маг, не так ли?

Догадалась – не догадалась, какая разница? Сейчас не обо мне речь, о я Луняше вспомнила.

– Ну, коли маг, – я на него посмотрела, – так скажи мне, маг, а как у вас нынче дела с девочками, что даром наделены, обстоят?

Аспид прищурился, странно на меня поглядев, затем, поразмыслив, так ответил:

– Где как, ведунья моя чрезмерно скрытная.

Я от обращения такого губы поджала, но перебивать не стала, не ко времени. Он понял, усмехнулся криво, да и сказал:

– Отвечу я тебе, Веся, но при одном условии. Информация за информацию. Я расскажу тебе о том, что происходит у нас сейчас с магичками, а ты мне, что это за весна у ведьм такая. По рукам?

Руку я ему протягивать не собиралась, сказала враждебно:

– Ты первый.

– Изволь, – аспид сегодня на редкость покладистый оказался.

Сел, ноги скрестив, шею размял, да и рассказал:

– Ранее считалось, что дар магический передается по наследству, и только так, о других путях было неведомо. Однако появились те, кто доказал – наследие лишь один из способов, но далеко не единственный. А женщины маги, мужчинам магам уступают лишь в одном – в бою, в остальном же равны, а в некоторых областях и вовсе превосходят мужчин. Таким образом институт продажи магически одаренных девочек был упразднен, на данный момент девушки проходят обучение наравне с юношами, за одним единственным исключением – им запрещено покидать стены учебных заведений до сдачи зачета по оборонительной магии.

– Почему? – от чего-то шепотом спросила я.

Аспид пожал плечами, и как-то так он это сделал, что у меня сердце вдруг заныло, и пояснил:

– Потому что, Веся, порядки изменились, но изменения приняли не все. Существуют на свете маги, предпочитающие старые порядки новым. Именно по этой причине маги женского пола находятся под защитой и охраной до тех пор, пока не освоят оборонительную магию. Еще вопросы?

Луняшу в лесу своем оставлю! Никола мальчик умный, сообразительный, его первого начну магии учить, где Рудина поможет, где Водя подсобит, а обучить смогу. Потом Луняша подрастет и ею займусь. Из лесу их выпускать все равно не безопасно, уж мало ли что случиться может, а коли дело обстоит так, как аспид сказал, тогда Никола с Луняшей вместе городок обучающий магический поступит и за сестрой сам присмотрит. Так лучше будет, намного лучше, и я спокойна буду.

– Теперь твоя очередь, – очень мягко, вкрадчиво, словно хищник мягко беззвучно ступает по палой листве, произнес аспид.

Учебники у дуба Знаний возьму, особенно по охранительной, оборонной магии, надо будет Луняшу да Николу выучить читать и писать, а еще...

– Веся, договор у нас был, – настойчиво произнес аспид.

Договор, да.

Вздыхнула я тяжело, на аспида посмотрела, на деревья... что завсегда могут быть ушами да глазами Силы Лесной и сказала:

– Круг алхимический призови, да от слуха постороннего убереги.

И сама клюку подальше от себя отодвинула. Аспид мужиком был понятливым, только я руку от клюки убрала, тут же отрезал меня от нее круг алхимический, да не простой был – стеной темной от леса отрезал, чтобы не только от ушей, но и от глаз всяческих. Хорошая была стена – я ладонь к земле прижала и не услышала ничего, и не почувствовала, соблазн был чашу позвать, али лешего, но удержалась я. Вздохнула снова, и так сказала:

– По-простому объяснить попытаюсь. Не перебивай.

– Не буду, – серьезно заверил аспид.

Кивнула, заверение его принимая, и глядя в черную стену, прорезаемую алыми алхимическими письменами, начала рассказывать отстраненно, стараясь о словах не думать.

– У каждой женщины есть период, в который она способна рожать детей, он начинается в юности, и он заканчивается с возрастом. Таков порядок в природе, такова жизнь. Уходит молодость, уходит и способность дарить жизнь.

Я очень старалась не думать об этом, еще больше мне хотелось бы об этом забыть и не вспоминать никогда, но... сделанного не воротишь.

– У ведьм иная молодость. Совсем иная. Войдя в силу, ведьма перестает стареть, внешность не меняется, некоторые ведьмы остаются молоды многими столетиями, и лишь мудрый взгляд выдает их возраст. Но природа рачительна и предусмотрительна, а потому, даже у ведьм период юности есть, и он конечен.

Помолчала я, помолчала, да и продолжила:

– Период нашей молодости мы называем весной, – как горько мне стало от этого слова. – Весна распускается в сердце ведьмы, когда в ее жизнь приходит любовь.

От слова «любовь» стало втрое горше, чем от слова «весна». И не хотелось говорить дальше, совсем не хотелось, но раз уж условились, придется идти до конца.

– Почему «весна»? – тихо спросил аспид.

Подавила я горькую улыбку, да и ответила:

– Потому что когда наступает весна, она меняет все вокруг. Вот так и ведьма – когда в ее сердце, словно цветы по весне, распускается любовь, она меняет все вокруг. Все что любит, все что дорого, все что значимо. От того не болеют у ведьмы дети, никогда не хворает муж, животные, что в доме и подле него, и те живут долго, да без хворей всяческих.

Помолчав немного, тихо добавила:

– Так нас учили, так нам говорили, эти знания нам передали. Знания оказались путанными и ложными – ведьмина весна не может вылечить всех, ведьмина весна может спасти лишь любимого...

В какой-то момент я поняла, что у меня дрожат руки. Обе дрожат. Так дрожат, словно я снова и снова, опять и опять простираю их над изможденным телом Кевина, иступленно выговаривая саднящим горлом хриплое: «Живи!». А он все равно умер...

Я думала, что умру рядом с ним. Но рыдания перешли в тихий вой, вой затих уже к ночи, а ночью пришел спасительный сон лесной ведуньи и я бестелесной тенью шагнула в свой Заповедный лес. Сколько же воды утекло с тех пор...

– Кого ты пыталась спасти? – тихо спросил аспид.

– Друга, – прошептала я. – Друга, заплатившего своей жизнью за мою, потому что он меня любил. А вот я полюбить не сумела.

Аспид помолчал, а после вдруг странный вопрос задал:

– И что с того, что полюбить не сумела?

Посмотрела на аспида как на несмышленища малолетнего, ну и что, что большой, черный и страшный, все равно как на дите поглядела, и как дитю малому объяснила:

– Я ведьма, аспидушка, ведьма, понимаешь? Нам, ведьмам, сила большая дана – мы тех, кого любим, от смерти спасти можем. От того не гибнут дети ведьмой рожденные, от того и

любимый мужчина ее молод столько же, сколько молода и ведьма... но это не вечно. Не может большая сила вечно с тобой пребывать, не может человек вечно молодым быть, не могут дети вечно маленькими оставаться. Весна должна перейти в лето – таков закон природы. Из цветов должны созреть плоды – все тот же закон. А есть и еще один закон, аспидушка, возрождаться каждый год только матушка природа и может, а ведьма – нет. Одна весна у нас, один раз нам сила великая дается, а после... А после всё.

Смотрел на меня аспид пристально, я его взгляд на себе чувствовала, да сама в землю перед собой смотрела. На хвою павшую да от времени потемневшую, на корни соснового бора – то тут, то там из земли проглядывающие, на траву чахлую, что пыталась пробиться да закрепиться...но среди сосен редкое растение выживает.

– Веся, извини, не понял я ничего, – вдруг вымолвил аспид.

Что ж, взгляд от земли оторвала, на него поглядела устало, да с терпением кончающимся и сказала:

– Даже ведьмам молодость дается лишь один раз. На одного мужчину ее можно потратить. И коли все хорошо, да спокойно, то не только на мужчину, но и на детей своих. А коли ты ведьма-недоучка, от которой правду скрыли, да ложью прикрыли, то берешь ты и весну свою расходуешь понапрасну. Я свою израсходовала, аспид. Теперь ясно?

Глядел в мои глаза аспид, глядел, да и высказал:

– Нет.

– А чтоб тебя! – не сдержалась я.

Аспид улыбнулся, сверкнули во тьме лица его зубы белые. Да и так улыбнулся он, что невольно гневаться перестала я. Посидела, слова подбирая, а только загвоздка тут была – аспиду всю правду сказать нельзя было, это я понимала, но и как объяснить всей правды не сказав?

Решила с другой стороны зайти.

– Когда полюбила я Тиροмира, в сердце моем весна расцвела. Это понятно? – спросила хмуро.

– Неприятно, но понятно, – ответил аспид.

Ладно, дальше идем дальше.

– А когда с другом его сбежала в ночь перед свадьбой нашею, Кевин свою жизнь мне отдал, чтобы ведуньей лесной стать могла, и приняла я жертву его, у нас у обоих выбора не было. Да только зная о том, что весна ведьмина силу исцеляющую имеет, я друга своего спасти пыталась. Ему всю весну свою отдала. Да только не помогло это. От того, что не полюбила я Кевина, а ведьмина весна только любимого спасти может. Вот и вышло, что напрасно все. И схоронила я свою любовь, доверие к людям, друга и молодость. Все схоронить пришлось, ничего не осталось.

И вроде понятно все объяснила, но смотрел на меня аспид, смотрел, и вдруг сказал:

– Но ты молода и прекрасна, ведунья лесная.

Вдруг поняла, что бесит он меня. Вот просто так бесит и все.

– Аспид, ты розы видел? – спросила зло.

Кивнул господин Аедан, да подтвердил:

– Видел. Разные. Дарил даже.

Кивнула и я, ответ его принимая, да продолжила:

– Розы те в букетах дарил?

Прищурил аспид глаза змеиные, кивнул неуверенно, видать понять пытался, о чем я, к чему аналогия такая.

– Вот я – как та роза, – поднялась резко, еловые иголки с подола отряхнула. – Срезанная роза.

И аспид умолк.

Я же волосы кое-как пригладила, рукава оправила, на союзника своего поглядела сверху вниз, да и спросила:

– Теперь понял?

Промолчал. А потом возьми да и спроси:

– А если бы не срезали тебя, роза?

Призадумалась я над вопросом, крепко призадумалась, да и ответила очевидное:

– А тогда, аспидушка, была бы я кустом розовым. Цвела бы как и положено, много лет бы цвела, много сезонов. И пусть не каждый цветок мой прекрасен бы был, но были бы их сотни. А так куст мой считай срубили под корень, вот от меня одна роза то срезанная и осталась. А больше ничего. Так понятно тебе?

А ничего не ответил аспид.

Только вдруг руку протянул, меня за запястье схватил, к себе резко притянул, и как только упала я, на ногах от рывка такого не удержавшись, сжал меня аспид в объятиях крепких сжал, с силой к себе прижал, да и прошептал хрипло:

– Мне жаль, Веся. Мне так жаль, что ты столько в своей жизни горя перенесла. И я... понял. Теперь я все понял.

И от слов его затихла я, вырываться перестала, потому что мне тоже было жаль, мне было очень-очень жаль... меня. До слез жаль себя было, да делать нечего – такова жизнь. Так уж сложилось. Так уж вышло. И вот смирилась я с этим давно, а аспид явно нет. В плечо мое лбом уткнулся, едва не воеет. Жалко его.

– Ты не печалься так, – попыталась я аспида утешить, – сделанного не воротишь, случившегося не изменишь.

Усмехнулся лишь, а меня все так же держал крепко.

Потом спросил тихо:

– А другие аналогии есть? Окромя куста роз?

– Есть, – я уж смирилась с тем, что обнимает да к себе прижал, устроилась удобнее, и начала аналогии подбирать: – Веточка яблони цветущая, что в руках палач держит, а само дерево уже на земле срубленное лежит. Ммм... веточка персика, в стакане с водой стол украшающая, а там за окном само дерево уж и срубили, и на дрова распилили. Веточ...

– Так, хватит, я понял, – отрезал аспид.

Улыбнулась невольно. По голове погладила, как погладила бы зверя, за утешением ко мне пришедшего, и сказала:

– Отболело уже, аспидушка. Отболело и прошло. Да и сама виновата, кроме себя мне винить больше некого.

– И в чем же ты виновата? – тихо спросил аспид.

А вот на этот вопрос отвечать было больно. Очень больно. Но я все равно ответила.

– От того, что в мага влюбилась. Знала, что нельзя. Знала, что и доверять магу не стоит. Но я влюбилась и сгубила и себя, и друга своего. Все погубила. Моя ошибка. Моя вина. И коли заплатила бы за нее я одна – смирилась бы, а так... Напоминанием о моей глупости, навсегда могила друга верного останется. Навсегда. Кстати, пусть, схожу... давно у него не была.

Не пустил.

Держал крепко, так крепко, что не вздохнуть, а сам задыхался от боли. Не поверила бы, но его дыхание я слышала, и задыхался он. Моей болью задыхался.

– Аспид, аспидушка, ну что ты? – голову его обняла, по затылку мужскому жесткому погладила. – Прошлого то уже, только прошлое. Ну что же ты?

– Ничего, – хрипло ответил, – пройдет. Сейчас пройдет.

Ну, пройдет, так пройдет, значит подождать надобно.

– Да уж, потрепала нас с тобой жизнь, – молвила тихо, по волосам черным пальцами проводя.

– Потрепала, – сдавленно согласился он. – Только меня потрепала за дело, а вот тебя за что, понять не могу.

Пожала плечами безразлично, подумала, да и ответила:

– А и меня за дело, аспидушка. Я же не без греха, кто бил – ударяла в ответ, кто на пути вставал – с тем в схватку бросалась, кто в спину плевал – к тому лицом разворачивалась, спуску никогда не давала.

Голову поднял, в глаза мои взглянул устало, да и молвил:

– И что же в том плохого, Веся?

– А что в этом хорошего? – спросила в ответ.

Рука его щеки коснулась, провела нежно, а в глазах горечь медленно таяла, и в синеве просыпалось что-то другое, что-то странное, что-то волшебное, что-то удивительное... и почему-то знакомое.

– Знаешь, – голос его звучал так, что казалось, он души моей касается, – всегда чувствовал себя лишним в этом мире. Всегда. Всю свою жизнь. А теперь, больше не лишний. Теперь к месту.

Слов я не поняла, все в глаза вглядывалась, что-то родное в них углядев, а что понять не могла. От того и не заметила, миг в который глаза такими близкими стали, а к губам мужские губы прикоснулись. И задохнулась я, осознав, что творится-то тут. Да только возмутиться не успела я – вновь обнял аспид, к себе прижал, да так, что голова моя напротив сердца его, губами к волосам прикоснулся да и сказал тихо:

– Ты для любви создана, Веся. Не для битвы, не для того, чтобы ударом на удар отвечать, не для схваток смертельных, где на кону жизнь твоя, а для любви. И любви в тебе столько, что не на одну весну хватит – на тысячу. Ты же всех любишь, цветок мой сорванный, ты любишь всех. Лес свой любишь, всех кто в лесу твоём живет, тех, кто живет по близости, и даже тех, кому помощь нужна, любишь тоже – мимо беды чужой никогда не пройдешь. А войну оставь мне, мое это дело. Я для войны был рожден, война моя стихия, мне и воевать.

Молчала я, слушала, едва дыша, и все понять хотела – это он про навкару сейчас? Не выдержала, спросила:

– Это из-за навкары речи такие?

Усмехнулся, прижал крепче, выдохнул, волос губами касаясь:

– Угу, навкару имел ввиду.

– Аааа... ну ладно, сам с ней воюй, я не против.

– Как прикажешь, госпожа моя, – только по голосу слышно, что смех едва сдерживает.

Но смех тот странный, горечь в нем слышится, такая невыразимая горечь.

И я объяснить попыталась, сказала негромко:

– Аедан...

Он вздрогнул от имени этого, словно не слово сказала, а хлыстом ударила, и дыхание затаил вновь, а я продолжила:

– Ты не серчай, что в Гиблом яру в бой вступила, тебя не предупредив.

– Я не серчаю, – ответил хрипло, – я в бешенстве.

От груди своей чуть отодвинул, в глаза мои змеиными взглянул, да и произнес страшно, голосом тихим, до костей пробирающим:

– Ты хоть осознаешь, что такое навкара, ведунья ты моя непутевая?

– Осознаю, конечно. И знаю про нее все и ведаю. Да и кто про навкару-то не знает?

Странно поглядел на меня аспид, да и ответил:

– Почитай что все.

– Серьезно? – скептически я на аспидка воззрилась. – А ты, Аедан, сам-то знаешь хоть кого-то, кто бы про навкару-то не знал?

Улыбнулся аспид, головой отрицательно покачал, да и ответил:

– Нет, Веся, я таких не знаю. Быть может от того, что среди людей определенной профессии завсегда жил?

– Это какой такой профессии? – вмиг заинтересовалась я.

– Монстроубийственной, – без улыбки ответил аспид.

Жутко звучало это. Вот я не выдержала да и спросила:

– И каково тебе, монстру, среди людей такой профессии жилось-то?

А он в глаза мне глядя, взял да и ответил:

– Плохо, Веся. Мне до встречи с тобой в принципе всегда плохо жилось.

– Ааа, – протянула я, да и отодвинулась от аспида аккуратненько. – Ну, что ж, поговорили мы с тобой, теперича давай, убирай круг алхимический, а то дел у меня неупрочен, да еще и с двумя навкарами разобратся надо.

– Я разберусь, сказал же, – холодно напомнил аспид.

– Ну да, сказал, – я правда уж и забыла об этом, но мы девушки такой народ – о неважном часто забываем, – да только мне бы узнать надобно, откуда это еще две навкары взялись. И я с первой побеседовать не сумела, не ко времени было, а один вопрос у меня точно имеется – где кровь мою взяли те, что по моему следу тварь эту направили.

– Дьявол! – выругался аспид.

– Не-не-не, этих звать не буду, – поднялась я резво на ноги. – Аспидушка, да ты хоть знаешь, кому ведьмы в карты проиграть могут выпивши?

– Кому? – заинтересовался определенно аспид.

– Дьяволам! – и я не ругалась, я правду говорила. – Смерть как не люблю их. Не переносу просто.

– Ну-с, раздавай, – басовито-радостно предложил дьявол.

И крикнул дрожащим вовсе не от холода русалкам:

– Хвостатые, вина мне!

Ненавижу дьяволов.

Но навкары молчали. И первая, и вторая, даже погибая, даже погребенные под землю в коконе из корней и лиан (даже не ведала, что Ярина у меня такая на убийственные выдумки способная) не сказали ничего. Ни откуда пришли, ни почему обе на мою кровь были нацелены. Аки собаки охотничьи, которым дали кусок тряпки для запаха да и погнали с криком «Найти», правда этим еще и приказали «Убить». Ну да не суть.

– Тасуй, ведьма, тасуй хорошо, для себя стараешься, – дьявол хохотнул довольно.

Еще б ему не радоваться – ведьма вызывала. Самолично пентаграмму рисовала, по земле ползая. И ладно Гыркула с вампирами вежливые, слова не сказали, а вот моровики с волкодлаками напотешались надо мой всласть. Угорали так, что за животы хватались. Но это ничего – я ведьма простая, коли нужен дьявол, значит, будет дьявол и точка.

– Во что играть будем? – спросила, точно зная, что проиграю.

Во все проиграю. Во что ни начну играть, вот во все и проиграю.

– В покер? – снова я, а то этот красный с рогами да копытами лишь скалится нагло, так нагло, что моя воля, я б на него порчу наслала.

Правда не умею, но ради хорошего дела готова научиться.

– В дуру, – нагло ответил дьявол.

– Почему это в дуру? – не поняла я.

Дьявол хмыкнул и выдув еще чарку вина, пояснил:

– В дурака играть смысла нет, если дура здесь есть только одна.

Так, а вот это уже оскорбление. Я молча карты на стол кинула, на стул откинулась, руки на груди сложила да и сообщила внаглую:

– Хм, к слову о дураках... Дьявол, а в курсе ли ты, где находишься?

Изменился в лице рогатый. Огляделся внимательно. И что видел он? Избенку покосившуюся, стол да два стула у стены избенки той, очаг на котором мясо томилось (жрут дьяволы как не в себя, вот и подготовилась), русалок-прислужниц, да лес вокруг древний, нехоженный. А вот чего не видел, так это моровиков, бадзуллов, аук и анчуток, а еще вампиров, волкодлаков, и даже аспиды с водей. Последние двое ко мне ближе всех были – один под дуб маскировался, от чего кот Ученый улыбался широко и паскудно не затыкаясь, а второй под кочку. Остальным пришлось кому как скрываться, кого магией прикрыли, кого и ветками да травой, а кого и землицей присыпали – ну не хватило на всех желающих ни магии, ни даже травы с ветками.

– Гхм, – прокашлялся дьявол, да на меня глазками красными взглянул уж вовсе не насмешливо – настороженно, – напости-ка мне, ведьма, кто ты?

«Сделано, госпожа» – сообщила Ярина.

И вот тогда паскудно улыбнулась уже я.

Просто достал он – пока вызывала, пока умоляла на зов ответить, пока из пентаграммы выбирался неспешно, пока русалок моих да меня словами разными поносил – я молчала. А как не молчать – Ярина хоть и опытнее Леси, а ход из ада все равно вмиг не заделала, повозиться пришлось. А мне, соответственно, молчать пришлось. Такая вот она жизнь, иной раз сидишь и молчишь, потому как терпеть надобно.

– Три вопроса, – не отвечая на вопрос дьявола, который уж и пить перестал – понял, что дело не чисто, – тогда отпущу. А коли не ответишь – то извиняй, но тут дело такое... оголодали у меня кикиморы, совсем оголодали.

Побледнел дьявол. Смотрелось это знатно – сами дьяволы алые, а как бледнеют, струхнув порядком, что редко крайне бывает, лицо белыми пятнами покрываются, а вот глаза те пуще прежнего красный цвет приобретают.

– Так, а кикиморы не едят дьяволов, – резонно дьявол заметил.

Улыбнулась я паскуднее прежнего, да и протянула двусмысленно:

– Лучше бы ели...

И бледнее прежнего дьявол стал. Его понять можно было – черт то, коего кикиморы у себя привечали, умен оказался сверх меры, а потому от конкуренции заблаговременно коварно избавился, растрезвонив всем соратникам, что де у кикимор житья нет, что измотали его силу мужскую. И сбежал бы он, да токмо не уйдешь от них никак – приворожила ведунья местная да так, что никак не отворожить, ибо ведунья не простая, а лесная.

И вот только сейчас дьявол спешно анализировал все что слышал-видел, да в одной фразе вся суть была «оголодали У МЕНЯ кикиморы», и мигом смекнул рогатый, что оговорочка то была по делу.

– Ведунья! – прошипел он разгневанно. – Ты ведунья Заповедного леса! И ты озабоченная размножением!

Ну, если уж честно, то не я, а чаща моя, а в остальном:

– Три вопроса, – водя пальчиком по картам, повторила я.

Пальчик был зеленым, с длинными черным ногтем. Нос мой любимый, самый здоровенный, обзору на карты мешал, так что боялась я, что если не успеет Ярина, то и играть мне придется наощупь, ну а теперь-то уж и переживать не стоило.

– Ведунья!!! – прорычал дьявол. – Много ты о себе возомнила, ведунья!

И вскочив так, что стол мой отлетел, да об стену избенки разбился, а там и по стене хлипкой трещина пошла, разъяренный дьявол к пентаграмме решительно направился. Уверенный такой. Копыта чеканные следы на траве да земле оставляют, хвост змеей рассерженной извивается, по ногам мощным лупит, из носа клубы дыма вырываются.

Подошел дьявол к пентаграмме вызова, да и аккуратненько, боязливенько, осторожненько так ее копытцем потрогал-то. И оно ж не зря – дьяволы многое ведают, и о том, кто конкретно является ведуньей леса Заповедного знают тоже. От того и осторожность такая,

ибо в прошлый то раз я, осерчав опосля проигрыша – едва до исподнего не проиграла все, в пентаграмму много чего отправила для дьяволов вовсе не радостного. В общем, с прошлым вызванным дьяволом мы расстались, прямо говоря, плохо. Совсем плохо. Очень плохо. И я не ведаю тот ли это был дьявол или другой, я в их рогатых мордах не радбираюсь, да только именно этот и взревел разъяренно:

– Валкирин!

Ну, раз узнал, так узнал – долой маскировку. И я стянула шляпу, следом маску, нос отдельно снимался, перчатки с рук стянула, маскировку домовому отдала, да и развернувшись к остолбеневшему от бешенства дьяволу, улыбнулась издевательски, ногу на ногу закинула, волосы поправила.

– Ты!!! – дьявол на меня так смотрел, словно на месте убить готов был.

А вот я хоть убей, его не помнила. Ни в лицо, ни в профиль, ни со спины даже. От того и спросила вежливо:

– Слушай, Сграхт, ты что ли?

Сплюнул в гнев дьявол, от плевка его трава занялась – пришлось ближайшей русалке быстро тушить, но на нее дьявол и не глянул даже – ко мне разъяренно направился.

– Ты! – от каждого его шага земля дрожала. – Да я! Да после тебя! Женился!

И тут я и призадумалась.

Злая просто в прошлый раз была, и от того что в карты проиграла, даже опосля того как выпила, и от того, что этот вот платье мое, в карты выигранное, уволок с собой в ад, а я, между прочим, в таверне была, но ни в той где жила, а в той что заброшенная стояла у мельницы, где мельник с собой прямо на мельнице во времена давние покончил-то. И мне в исподней рубашке пришлось до городка топать как есть, посередь раннего утра... Ничего удивительного, что почтенная хозяйка корчмы меня опосля слухов тех мигом со двора выставила. А как я себе платье-то покупала – это вообще отдельная история была. И главное история то давно быльем поросла, а злость осталась.

– Сграхт! – произнесла я, чувствуя, как клюка верная тут же ко мне из избы помчалась.

Да не простая клюка – две в одной теперь. А вот сил больше стало вчетверо. И потому грозное орудие клюка моя, ох грозное, ой и как тресну я сейчас этой клюкой кого-то.

– Вававалкирин, ннне смей! – взвизгнул дьявол.

Даже не ожидала от него такого визгу, клюку опустила, на стул обратно села, сажу, думаю думаю.

– А чтоб тебя! – выругался дьявол и снова сплюнул.

Русалки догадливо кинулись тушить.

Дьявол понуро вернулся ко мне. Стол поднял. У того всего две ножки остались, но Сграхт кое-как приспособил ветку призванную, и стол пусть косо и криво, но стоял. Стулу повезло не так сильно, он сломался вконец, но дьявол сел на землю, ноги скрестив, да на меня угрюмо уставился.

– Ты прокляла меня дочкой, на тебя во всем похожей?!

– Да я так, случайно вроде... Чего в гневе не пожелаешь то? – сказала растерянно.

– Так вот не желай больше! – потребовал Сграхт. – Ибо растет твоя копия. Я с ней уже поседел, жена уходить от меня передумала, теща у нас поселилась навечно. Ведьма ты, Валкирин, как есть ведьма, чтоб тебя!

Да ведьма и ведьма, не спорю же, было бы вообще об чем спорить.

– Три вопроса, – напомнил Сграхт, – спрашивай.

Хотелось мне вообще бы про дочку спросить, да про жену, а еще про то как быстро пожелания то мои исполняться начали, но дело есть дело, к делу и перешла.

– Первый вопрос – кто на меня уже трех навкар наслал.

Дьявол лишь усмехнулся.

– Второй, – продолжила я, – от чего Светлый яр Гиблым стал?

Кивнул дьявол, вопрос принимая. И на меня поглядел, ожидая третьего. Вот в чем проблема с дьяволами – сначала им три вопроса скажи, а потом они выберут на какие ответить.

От того крепко призадумалась я, прежде чем третий вопрос озвучить. И так в уме прикинула и эдак, и в итоге решила:

– Что случилось с ведьмами? От чего напасть такая?

– Это уже четыре вопроса, – указал на оплошность мою Сграхт.

Я бы извинилась, но тут стол начал заваливаться на меня – дьяволу пришлось спешно принимать меры и делать вид, что он ни разу не держит мебель покореженную, и вообще она тут так всегда стояла.

Не выдержав этого, из земли высунулся леший, глянул на дьявола как на ирода вандального, к столу деревце прирастил, чтобы не падал стол больше, и снова в земле исчез. Проводил его Сграхт взглядом задумчивым, да и так сказал:

– Ты, Валкирин, в лесу своем полновластная хозяйка, а могущества у тебя, скажи, сколько?

– Много, – правду я ответила.

– Много, – кивнул, слова мои принимая. – Теперь скажи мне, Валкирин неведомо как лесной ведуньей ставшая, кто может тебе на территории леса твоего противостоять?

Призадумалась, уж хорошо известны мне были те, кто силой поболее моего будет, но ответ оставался все же неизменным:

– Никто.

И снова правду сказала. Никто не может. Мой это лес Заповедный, чащи Заповедные мои, мой леший, да моя клюка – мне в моем лесу противников нет, потому что не свою силу использую, а целого леса. Магического, волшебного леса. От того здесь я сильнее всех.

Кивнул Сграхт, и этот ответ принимая, а затем вкрадчиво произнес, на стол вросший в землю опершись:

– А теперь представь себе, Валкирин, что есть лес, могучий и большой, поболее твоего во много раз, да в лесу том сменялись ведуньи одна другой опытнее, да тебя поумнее.

Ну да, я дура. Практику-то на втором курсе я завалила. Потому что проиграла этому дьяволу всё – конспекты, дневник практики, даже учебники и те проиграла, потому о моих умственных способностях Сграхт был мнения не высокого. Заслуженно, конечно, но все равно обидно.

– А в том лесу, – продолжил дьявол проникновенно, – есть круг, почитай как ведьминский, только чародейский он. Живая душа через него перенесется с трудом – мертвая легко.

И тут в душе моей как холодок пробежал. Я чувствовала этот круг. Ощущала область, которая мне не принадлежала, хотя по ночи я как хозяйка полновластная в Гиблый яр вступила.

– Ты, – продолжил так же вкрадчиво Сграхт, – говорят, с магами сдружилась. Так вот и спроси, у друзей своих новых, для чего они в яр, что ранее Светлым был, а теперь Гиблым стал, столько лет-то дорогу искали, да все безнадежно. Что искали там? От чего на смерть шли упорственно? Спросишь?

– Спрошу, – голос свой я не узнала.

Чужой был, холодный, как не родной. Потому как больно мне вдруг стало. Тяжело очень. Словно плита могильная на грудь давит, дыханию мешает. И знала я, по ком сердце плачет сейчас, я знала... только после подумаю.

– А еще, – Сграхт смотрел на меня с усмешкой, словно знал обо всем, что чувствую... а может и знал, дьяволы они эмоции как воздух поглощают, в периоды голода даже питаться ими могут, – подумай, Валкирин, что случилось бы, коли в момент, когда друг твой еще один, коей с рыбами возится, снес-разнес крепости чародейские, дюжина чародеек как раз во яру Светлом была, да круг свой там устанавливала.

И тут стало мне совсем плохо.

– Дюжина? – спрашивать бесполезно было, дьявол только на три вопроса все равно ответит, но я просто осознать не могла. – Двенадцать стало быть?! Двенадцать чародеек! Целых двенадцать?!

Только усмехнулся в ответ Сграхт.

С ухмылкой и продолжил:

– Ты спрашивала что с ведьмами случилось-сделалось. Ответа простого не дам, но ты сама подумай – лесные ведуньи они особняком держатся, к зверью они ближе, чем к людям, так можно ли управлять хозяйками леса?

– Нет... – прошептала я.

– А с ведьмами дело иное, – дьявол словно каждым словом своим меня уничтожающим наслаждался, – понять кто из вас кто – там сам черт ногу сломит. Кто прирожденная, кто природная, а кто и вовсе в силу вошедшая – в этом до конца и сами ведьмы разобраться не в силах. Вот и скажи мне, Валкирин, куда чародейкам все потерявшим, затесаться проще было: В магини, где у женщины ни слова, ни права нет? В ведуньи лесные, что порой и язык человеческий теряют? Али среди ведьм схорониться, силу да власть набирая?

Так вот кто Велимира! Не ведьма она, а чародейка! Она чародейка и не одна она!

– И хоть не спрашивала, – Сграхт лапу протянул, руки моей коснулся, стол сломанный под тяжестью длани его массивной закрипел жалобно, – но скажу я тебе одно – через круг тот мертвые пройти могут, а живым хода нет. Но рядом, Валкирин, совсем рядом второй круг есть – не активирован он еще, но коли смогут чародейки в лес тот вернуться – завершат ритуал. Им для того ритуала не многое требуется – всего один архимаг. Только один. Не больше.

И по ладони ледяной потрепав меня дружески, Сграхт поднялся, от чего стол накренился, а разговор закончился.

– Только не желай мне больше ничего, – попросил дьявол.

– Не буду, – прошептала я.

И дьяволу полагалось бы уйти, но он остановился и страдальчески предложил:

– Спрашивай.

Я и спросила:

– Как дочку назвал?

– Валкирин-грахт! – гордо сообщил дьявол. И добавил: – Сказал жене, что имя в честь моей возлюбленной... Теща весь ад перерыла в поисках, гы.

Я улыбнулась невольно.

А Сграхт посмотрел на меня пристально так, затем руку протянул и на косом столе передо мной вспыхнули огненные буквы «Одно знай, Валкирин, те врата не всех мертвых живыми обратят могут, кто бы что не говорил. Только чародеев».

И исчезла надпись, словно слизал ее зверь лесной – ничего не осталось. Ничего кроме боли во мне.

Ушел через пентаграмму дьявол, начала исчезать иллюзия с водяного, аспиды, войска моего верного, вновь леший явился, столом занялся, а я все так же сидела. Сидела потерянная и растерянная.

Исчез дьявол, окончательно исчезла иллюзия, открывая взглядам аспиды, водяного, армию мою верную, кикимор на меня встревожено смотрящих, поляну пиршественную со столами снедью заваленными, купца Саврана, что не ко времени продовольствие доставил, а как то понял, попросился остаться – оставили. Теперь купец видел в своей жизни всё, вообще всё, и даже дьявола.

Я же поднялась тяжело из-за стола, на клюку верную опираясь, да и сказала тихо:

– Водя, леший, за мной.

И удачила клюкою оземь, тропу заповедную открывая.

Последнее, что увидела – полный гнева и обиды взгляд аспида, он видать был уверен, что его с собой возьму, а я нет, не возьму, доверия и так не было, теперь его стало еще меньше.

Я перенеслась к заводи.

Леший меня во лесу чувствует, так что за мной последовал. Водяной перенесся сразу в воду, ему так проще, и к нам уже подплыл, одним кивком головы отослав прочь отсюда всех – от русалок до пиявок. Леший прогнал даже птиц. Я ударом клюки, нас от всего леса, от любых чужих ушей отрезала, и на всякий случай Лесю призвала – уж кто-кто, а она толк в подслушивании знала, и как от подслушивающих избавляться знала тоже.

Потом я медленно скинула плащ свой, мухоморами, мхом да поганками раскрашенный, следом туфли скинула, подол платья приподняла, да и прошлась по кромке воды холодной, с мыслями да с силами собираясь.

– Веся, не томи, – тихо попросил Водя.

Друг верный молчал, он меня чувствовал, и то, что подавлена сейчас сверх меры, чувствовал тоже. Но то он, он чувствовал, а Водя терзался сомнениями да мыслями, и терзания те я лишь усилию сейчас.

– Когда ты разнес крепости чародейские, – я бы села сейчас, ноги едва держали, но от волнения сидеть не могла, так и продолжила медленно брести по воде, – то не один чародей выжил. Далеко не один. Еще двенадцать чародеек в этот момент находились в Заповедном лесу, не моем... другом.

Водя побледнел, тяжело в воду опустился.

– Двенадцать... – повторил шепотом он за мной. – Целых двенадцать.

Да, это много. Очень много. И очень опасно.

Леший мой сдержаннее был, даже не выругался, но он как и я об одном думал, одинаково у нас всегда мысли шли, рука об руку, он и спросил:

– А что они там делали?

– А вот это самый страшный вопрос, лешенька, – я остановилась, с тоской на него посмотрела. – Но я намекну тебе – то, что сделали они там, то всем понадобилось. Самим чародейкам, что путь возвратиться в Гиблый яр столетиями искали, да похоже практически нашли. И чародею, с трудом, но выжившему. А пуще всего магам.

И опустил взгляд леший – он боль мою понял. Он сразу понял. Это я до сих пор понять не могла, а ведь стоило. Уж сколько ранее заповедных лесов было, но только в яр, что ранее Светлым был, а ныне Гиблым стал, упорно маги пытались проникнуть. Невзирая на жертвы, а жертв было много, очень много – я их по ночи сама подняла, сама в белы рученьки магам вернула. Жертвы были, но маги жизнью товарищей пожертвовали не глядя... И пожертвуют еще.

– Что ж, – прокрипел леший мой, – теперь ясно, от чего маги нам помогать взялись, да от чего архимаг Агнехран в помощи своей все усердствует.

И вот сама я о том думала, но когда леший вслух произнес, с трудом на ногах удержалась.

– А аспид? – прямо лешенька спросил. – От чего аспида с нами не взяла?

О чужой боли всегда говорить проще, чем о своей. Я прошла к ближнему дереву, поваленному непогодой, забралась на него, села, ноги все так же в воде держа, да и ответила как есть:

– А и у аспида, похоже, свой расчет был.

– Какой же? – вопрос Водя задал, ближе ко мне подплыв.

Леший тоже подошел, да на дерево уселся, сторбившись, понимал он, что теперь самое страшное скажу.

– Там, где-то в центре Гиблого яра есть два круга чародейских, – говорить тяжело мне было, да все равно продолжила: – Один силу дает, да мертвых через себя пропускает. А вот

второй – дарит жизнь, и маги уверены видеть, что жизнь круг этот подарит всем, коли принцип действия его разгадать.

И опосля слов моих тишина повисла тяжелая, напряженная, гнетущая тишина.

А я совсем тихо добавила:

– Агнехран-маг он многих товарищей потерял, и многие из подчиненных его погибли, в попытке добраться до круга жизни заветного. А аспид, он, лешенька, потерял сына, которого любил больше жизни.

Помолчал леший, помолчал да и спросил:

– А почему нет, Веся? Я не про магов, я про аспида. Почему не помочь? Мы ему сына вернем, уж я тебя знаю, ты, коли пожелаешь, ты и с кругами жизни и смерти разберешься, так почему не вернуть ему сына? Тогда и в расчете будем, и из лесов наших с чистой совестью прочь отошлем.

И хороший был бы план, я бы сама поперед всего именно о таком подумала, да только:

– То, что известно магам – ложь, – едва слышно выдохнула я, – чародейский круг жизни токмо чародеев к жизни вернуть и способен. Больше никого.

Сузил глаза леший, да и спросил:

– Дьявол сказал?

Я кивнула.

– Соврать мог?

Головой отрицательно мотнула.

– Леший, это дьявол который на призыв ведьмы ответил. Коли солгал бы, он вернуться бы не смог – пентаграмма воспрепятствовала бы, – Водя о дьяволах знал по большей части от меня, но знал.

Леший на меня посмотрел вопросительно, я тихо ответила:

– Все так, солгать он не мог.

– Что ж, – леший плечами повел, с хрустом их разминая, – теперича знаем, откуда в Гиблом яру столько нежити, да каким образом навкары там появляются.

– Знаем, – согласилась я.

Водя помолчал немного, а потом спросил, о сути догадавшись:

– Чародейки в ведьмы подались?

– По всему выходит что так. – Я помолчала, потом добавила: – Им нужен Гиблый яр. Очень нужен. А путь в него через первый круг только мертвым открыт, вот от чего они ведьм в умертвия превращали – вторжение готовили. А я, случайно совсем, взяла да планы сорвала им.

Еще чуток помолчав, тихо продолжила:

– Вечно я всем все разрушаю...

– Не жалей, по делу разрушила, по справедливости! – сказал как отрезал леший.

Водя же произнес благодарственно:

– Большой груз ты с моей души сняла, Веся.

Протянула руку, плеча его коснулась успокаивающе – мне понятны были переживания водяного, он же думал, что все это на нас свалилось из-за него, из-за того, что ему отомстить хотели, а выходит тут не в мести дело.

– Думать надобно, – сурово сказал леший, и я руку с плеча водяного убрала. – Что имеем сейчас? Магов, что помогать готовы, всеми силами готовы, со всем усердием, уж это они нам продемонстрировали, как есть, продемонстрировали. Уж демонстративнее некуда.

А мне от тех слов снова больно. И так боль где-то внутри имелаась, а теперь лишь большее стало. И разум он факты да детали в единую логическую цепочку собирает, а сердце глаза архи-мага-охранябушки помнит, губы – поцелуй его, руки – прикосновения нежные. И не верится мне, хоть и понимаю, что глупо это, а не верится, что я ему нужна была только для того, чтобы в центр Гиблого яра добраться. Но что есть, то есть. Сначала меня Тиромир использовал, и он

тоже магом был, стоит ли чего-то иного от Агнехрана ждать? Сердце болело и шептало, что стоит, что не таков он, что так не поступит... много чего сердце шептало, вот только опыт...

– Дальше – аспид, – продолжил леший. – С ним проще все, пусть верит, во что пожелает, свое обещание выполним, кровь отдадим и кров предоставим, но чего никогда не допустим – так это его до кругов тех.

Мы с водяным согласно кивнули.

– С Яриной да с Лесей отдельно поговорю. Но вот что делать нужно, да в сроки крайние, так это усилить чашу Гиблого яра, – и леший посмотрел на меня.

Потому что мне усиливать, своей кровью, своей силой, собой. А хватит ли мне меня, чтобы долг ведуньи лесной исполнить? Ответа у меня не было.

– Я научу, – сказал лешенька, да виновато сказал, понимая, что хорошим для меня это ничем не закончится.

А еще оба мы знали, что мне второй леший нужен. У каждого леса Заповедного свой леший должен быть, да только где ж его взять? Где?

– Зону с кругами изолировать нужно, – очевидное лешенька произнес, – да так чтобы через мертвый круг более ни скверна, ни гниль, ни навкара какая не прошли. А с таким никто кроме чащи Заповедной не справится, ей спать не нужно, она всегда начеку. И я бы часть Леси в Гиблый яр перекинул, да только нельзя сейчас тебя, Веся, без защиты оставлять. Никак нельзя.

– Да что мне тут сделается? – спросила грустно.

– Сейчас – ничего, а как Ярину усилишь... – не договорил леший, и так все ясно стало.

Водя вздохнул, да и попросил:

– Меня к ней допускать будешь?

– Допущу, – сурово ответил леший, – но коли руки распускать начнешь... Мне продолжать?

Отрицательно водяной головой покачал, и ответил серьезно:

– И рекой и головой своей клянусь – трогать не буду.

Кивнул леший, клятву принимая.

Водяной же продолжил:

– Книги чародейские подниму со дна, все сундуки что найду – все подниму. Информацию о кругах тех найти надобно.

Я улыбнулась ему одобрительно, то, что книги просмотреть придется, это точно.

– С аспиды браслет обручальный сними, – сурово сказал лешенька. – Там где будешь, он тебя найти не должен. Никак.

Кивнула я, не дура, сама понимаю.

– А сколько потребуется... дней? – тихо спросил Водя.

Я чуть было не сказала «два-три», но леший опередил, за меня ответил:

– Коли все как нужно пройдет – месяц. А может и больше.

Поежилась я, перспективу оценивая, а Водя посмотрел на лешеньку, да и сказал:

– Много книг прочитать успеем.

– Много, – согласился леший.

«Плакать хочется», – подумала с болью.

– Аспиду ни слова, – предупредил леший, – про магов и сама знаешь.

– Аспид тоже маг, – напомнила я.

– Тем более, – сказал лешенька, да поднялся решительно.

Оно и понятно – времени на страдания да на размышления нет. И ладно сейчас две последовавшие за первой навкары удерживает Леся, ей это не трудно вовсе, но что если из круга мертвых что другое ползет? Ведь коли двенадцать чародеек среди ведьм обосновались, они вторжение уж давно готовили, так что ждать всего можно. Вообще всего. А Ярина эту пакость в Гиблом яру не удержит, нету у нее сил таких, и тогда что будет? Пусть на той стороне реки

поселений человеческих мало, но они есть. А одна навкара она деревню за полчаса вырежет, ни детей малых, ни баб, ни стариков не жалея. Не могу я такого допустить.

Когда на поляну я вернулась, там шел пир вовсю. Кружились в веселом танце изящные русалки, носились спотыкаясь кикиморы, видать тоже к хмелю приобщившиеся, сидел чуть ли не в обнимку с вождем Далаком граф Гыркула, а купец Савран на удивление примостился рядом с моровиками. Те наворачивали колбасу кровяную, Савран же явно байку травил, запросто с нечистью выпивая. И все бы ничего, да только там у него жена с дитятками сама из последних сил выбивается, а он тут... И тут поняла я – он тут отдыхает он. И пусть нечисть вокруг, а ему в его положении, родных да родителей, да товарищей верных потерявшему, покойно и спокойно. Да и выпил он-то впервые за все время прошедшее. И не стала прогонять-ругать. Одну из русалок жестом подозвала, сказала снеди взять, Ульяне с ребятишками отнести, да помочь жене Саврана, коли делом занята.

А Савран то увидел, поднялся тут же, ко мне, у калитки стоящей, приблизился, поклонился поясно, и сказал:

– Поздно уж, позволь откланяться, хозяйка лесная.

– Отдохни, Савран, – тихо сказала я. – К Ульяне русалок послала, и помогут и за ребятишками присмотрят, а тебе свой отдых нужен... после всего, что пережить пришлось.

Ссутулился купец, опустили плечи могучие, блеснули слезы в глазах боли полных. Он их рукавом споро утер, голову опустил, да и сказал:

– Никогда, никогда не прощу себе... Зачем согласился? Зачем золотом соблазнился? Коли знал бы, чем все закончится, никогда бы...

Оборвался голос его. Мужчины плачут молча, даже если все тело от глухих рыданий содрогается, все равно молча.

– Савран... – хотела было добавить по привычке «сын Горда-кузнеца», да не стала, не стала сердце его тревожить упоминанием имени отца. – Я тебе так скажу, Савран, коли не ты, коли другой купец перевезти его согласился бы, да прошел не по моему лесу Заповедному, как ты, а другой тропой-дорогой, да доставил раба этого к тем, кому он так требовался... вот тогда, Савран, большая беда случилась бы. Большая, да страшная. А так... ты своими родными, близкими да сотоварищами, за благополучие мира заплатил. И хоть непомерна плата, да все сложилось уже как есть. Не терзайся. Боюсь, не случись все так, как случилось – в течение года погибла бы вся твоя семья, включая Ульяну с ребятишками.

Вскинул голову купец, на меня потрясенно, неверяще глядя, да только... он меня уж давно знал, знал, что лгать не стану. Знал и слова мои принял. Поклонился вновь, развернулся да побрел обратно к моровикам. А бадзул один, уж до чего бадзулы-то хоть и народ злой и никому не сочувствующий, к нему подлетел, да и повел купца к столу, за плечи придерживая. Настоящее горе, его ведь даже бадзуллы чувствуют.

И тут из темноты прозвучало:

– С купцом поговорила, а со мной словом когда перекинешься?

Повернула я голову на звук, смотрю а сидит на бревне аспид. Сам сидит. С ним ни снеди какой, ни вина, ничего. Один сидит. Явно меня ждет.

– И с тобой словом перекинусь, – вздохнула я, – как же не перекинуться-то. Браслет отдай.

Медленно аспид поднялся, медленно ко мне подошел, медленно надо мной, крепко клюку сжимающей согнулся, да глядя мне в глаза, прямо в лицо и выдохнул ледяное:

– Нет.

Помолчала я, по сторонам поглядела, думала может леший рядом и всякое такое, но никого не было, видать леший с Лесей да Яриной сейчас разговаривал, а аспид взял да и добавил:

– Никогда.

И нехорошо мне стало. От вида его, от глаз змеиных, а пуще от осознания, что коли сам не снимет браслет – я его снять не смогу. Да даже с рукой не отпилю, по сути. Один выход есть – убить. Да и то ведь не выход.

Что ж, постояла я, подумала, да решилась на поступок подлый, неправильный, нехороший. Нет, оно, конечно смотря с какой стороны нехороший – если сравнить с убийством аспиды, дабы браслет снять, то поступок был очень даже приличным. Но если по совести, по правде... Аспид ведь маг. С магами связан, и я о том уже доподлинно знаю. А еще я знаю, что аспид сына горячо любимого потерял, из-за чужой алчности, из-за чужой жестокости... А смогу ли я поступить жестоко?

– Отдай браслет, добром прошу, – произнесла, в глаза его змеиные глядя.

Глаза лишь прищурились гневно.

– Отдай, – повторила с нажимом.

– Отбери, коли сможешь, – с вызовом ответил аспид.

Не смогу, и ему о том ведомо. Не смогу убить его, никак. А вот поступить жестоко мне теперь придется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.